

INKERI

Inkerin Liiton julkaisu
Päätoimittaja: Aleksanteri Kirjanen

Lehti oli perustettu v. 1884.
Uuoistettu v. 1998.

Газета была основана
в 1884 году.
Выпуск возобновлен
в 1998 году.

Пuh. +7 812 234 86 54
Телефон редакции:
8 (812) 234-86-54

N:ro 3 (078) lokakuu

Konttori: С. -Петербург, ул. Проф. Попова, д. 4а, корп. 22, оф. 303

2012

Inkerinsuomalaiset: 40 %:n vajuus kahdeksassa vuodessa

Suomalais-ugrialaisten kansojen kuudes maailmankongressi pidettiin Unkarin Siófokissa Balaton-järven rannalla 5.–7. syyskuuta 2012. Ensimmäinen järjestettiin Komin Syktyvkarissa vuonna 1992, ja siitä alkaen kongressi on kiertänyt vuorotellen Venäjää, Unkaria, Suomea ja Viroa. Tällä kertaa heimoliikkeen katselmukseen osallistui 21:n kansan edustajia 24:stä suomalais-ugrilaisesta ja samojedikansasta.

Kongressin keskuskomitean puheenjohtaja **Valeri Markov** kertoi avajaispäivän yleisistunnon neljän vuoden toiminnan tuloksista. Sitten puheensa pitivät Unkarin, Suomen ja Viron presidentit sekä Venäjän kulttuuriministeri. Kongressin tunnuskana oli Kansa ja kieli. Melkein kaikkien kansojen edustajat totesivat yhteen ääneen, että heidän kansojensa lukumäärä on vähentynyt, ja kiinnostus äidinkielen käyttöä kohtaan on sammumassa.

VÄESTÖMME VÄHENI 40 % KAHDEKSASSA VIIME VUODESSA

Inkerinsuomalaiset on lähes ainoa suomalais-ugrilainen kansa, joka asuu hajallaan. Viimeksi suoritettun väestönlaskennan mukaan historiallisella Inkerinmaalla on jäljellä enää noin 12 tuhatta suomalaista, mikä tekee 0,18 % Pietarin ja Leningradin alueen väestöstä.

1900-luvun alussa inkerinsuomalaisia oli noin 140 000. Suomalaiset olivat toiseksi suurin väestöryhmä Pietarin kuvernementissa ja myöhemmin Leningradin alueella. Stalinin harjoittama kansallisuuspolitiikka, jonka seurauksena ”vieraita kansoja” hajotettiin ja kaikki suomalaiset karkotettiin, on johtanut siihen, että 1940-luvun lopussa Leningradin alueella oli asunut vähän yli kuusi tuhatta suomalaista.¹

1950-luvun loppuun mennessä Leningradin alueelle (lue Inkerinmaalle) onnistui palaamaan noin 23 tuhatta inkerinsuomalaista.² Muut

joutuivat muuttamaan Karjalaan, Viroon, osittain Suomeen ja Ruotsiin, jonne he pakenivat Suomesta peläten, että heidät palautetaan Neuvostoliittoon ja karkotetaan Siperiaan. Suuri määrä inkerinsuomalaisia on joutunut asumaan karkotettuna Siperiassa, Kazakstanissa ja Keski-Aasiassa ilman paluuoikeutta.

Suomen hallitus tarjosi 1990-luvun alussa entisessä Neuvostoliitossa asuville suomalaisille oikeuden muuttaa Suomeen. Seuraavan 20 vuoden kuluessa Suomeen onkin muuttanut, pääpiirtein Venäjältä ja Virosta, noin 40 000 inkerinsuomalaista ja heidän perheenjäsentään. Kyseessä on ollut vapaaehtoinen muutto, ja sen myötä tarjolla paremman elämän edellytykset. Vanha Inkerin kulttuuri ja perinne ovat hävinneen väestön muuton mukaan. Tämä menetys on korvaamaton. Koska inkerinsuomalaiset asuvat tällä hetkellä hajallaan, ja kaikkialla vähemmistönä, heidän suomalaisuutensa säilyminen näyttää mahdottomalta.

Inkerinmaalla (niin Leningradin alueella kuin Pietarissakin), Virossa, Ruotsissa, Suomessa, Karjalassa ja muualla Venäjällä toimii inkerinsuomalaisia yhdistyksiä, jotka yrittävät mahdollisuuksiensa mukaan säilyttää, tukea ja jopa edistää inkerinsuomalaisten kulttuuria ja perinteitä. Tästä johtuen Unkarin kongressiin saapui inkerinsuomalaisten edustajia myös Sisä-Venäjältä.

Kansan kulttuurin säilyttäminen ja ylläpitäminen kaipaa julkista tukea sekä ymmärtämystä että apua paikallisten viranomaisten taholta. Virossa toimiva inkerinsuomalainen järjestö, Viron Inkerin Liitto, saa säännöllistä valtion tukea. Samanlaista tukea Virossa saavat muutkin kansalliset järjestöt, mm. venäläiset ja ukrainalaiset. Karjalan tasavallassa sen hallituksen tuella ilmestyy suomenkielinen päivälehti ja kerran kuukaudessa kulttuurilehti. Näin lainasäädännön turvin pidetään huolta kansallisista vähemmistöistä.

On merkittävää, että Inkerinmaalla

inkerinsuomalaisten asema ja heidän toimintansa on aivan eri asemassa. Jo seitsemän vuoden ajan Pietarissa toimii ns. Kansallisuuskien talo eli yhteiskunnan ylläpitämää eri Venäjän kansojen yhteinen kulttuurikeskus. Inkerin Liiton puheenjohtajana olen sen neuvoston eli hallituksen jäsen. Keskukseen tiloissa Inkerin Liitto on järjestänyt seminaareja, näyttelyjä ja juhlatapahtumia. Ikävä kyllä kaikki nämä tilaisuudet on järjestetty Inkerin Liittomme aktiivien voimin. Julkinen tuki ei ole ulottunut edes matkakorvauksiin.

OLEMME TEHNEET VOITAVAMME

Leningradin alueen tiedotuskomitean johtajaksi valittiin seitsemän vuotta sitten lehtimies **Vladimir Ugrjumov**. Hänen aloitteestaan siellä käynnisti toimintansa **Alina Netshajevan** vetämä nuorten ja toimeliaiden henkilöiden työryhmä. Yhteistyössä sen kanssa olemme tuottaneet 18 projektia ja tilaisuutta. Jo vuonna 2010 niitä oli kahdeksan. Yksi sellainen oli kantakansojen ”liikkuva museo”, jonka aineistoa esiteltiin Pietarin ja Leningradin alueen eri laitoksissa. Inkerin Liiton ”liikkuva koulu” on tehnyt matkoja Leningradin alueella lähes kuukausittain. Tämän koulun aktiivit järjestivät konsertteja sekä seminaareja Inkerin kantakansojen kulttuurista, perinteestä ja kielistä. Inkerin Liitto on puolestaan järjestänyt omien juhlien lisäksi myös vatjalais- ja inkerikkopäiviä. Lisäk-

si inkerinsuomalaisia oli mukana suomalais-ugrilaiseen kansanperinnejuhlissa. Inkerin Liittomme julkaisee kuukausittain lyhyitä uutisia verkkosivuilla. Inkeri-lehti ilmestyy muutama kerta vuodessa.

Tämän enempää emme omin voimin ole onnistuneet saamaan aikaan. Vuosien 2005 ja 2010 välisenä aikana Leningradin aluehallinnon talossa pidettiin kaksi suomalais-ugrialaisten kansojen neuvottelukomitean istuntoa. Esittelimme siellä viimeksi vuonna 2010 laatimamme Leningradin alueen kantakansojen tukemisen pitkän aikavälin tavoiteohjelman.

Suomen kielen opetus ja opettajien koulutus ovat olleet tärkein tehtävämme Inkerin Liiton perustamisajasta asti vuonna 1988. Sen julkinen toiminta alkoi juuri suomen kielen kurssien järjestämisestä. Viimeksi kuluneen 12 vuoden aikana, 1999–2011, Inkerin Liitto yhdessä Inkerinsuomalaisten opetus- ja tiedekeskusten kanssa on järjestänyt kursseja myös suomen kielen opettajille. Näillä kursseilla Pietarissa ja alueella toimivat suomen kielen opettajat ovat saaneet sekä perustetta täydennyskoulutusta.

MISSÄ VIIPYY JULKINEN TUKEMME?

Suomen kielen asema Inkerissä on nykyään sellainen, että yhdessäkään Pietarin ja alueen korkeakoulussa ei kouluteta suomen kielen opettajia. Jatkokoulutuksen akatemiassa, jossa koulunopettajat pätevoityvät, ei ole

Inkerinsuomalaiset: 40 %:n vajuus kahdeksassa vuodessa (jatko)

yhtäkään suomea osaavaa asiantuntijaa. Tästä syystä tämän tärkeää yhteiskunnalle kuuluvaa tehtävää on lähtenyt hoitamaan kansalaisjärjestö eli Inkerin Liitto. Samalla kurssioppi-laamme, toiset kahden ja toiset neljän opiskeluvuoden jälkeen, ovat suorittaneet tenttinsä Suomessa Helsingin yliopiston Savonlinnan yksikössä, ja saaneet asianmukaiset todistukset. Tenttien järjestäjänä on toiminut Helsingin opintotoiminnan keskusliitto. Onneksemme opettajillemme tämä koulutus on ilmainen. Tavoitteemme on kouluttaa täten Inkerissä toimivia suomen kielen opettajia. Heille lankeaa tehtävä opettaa suomen kieltä lapsillemme ja lastenlapsillemme, jottei suomen kieli häviäsi kokonaan kotikamaraltamme.

Leningradin alueen itsehallintokomitean osaksi perustettiin vuonna 2011 kansallisuuskien ja uskontojen välisiä suhteita hoitava yksikkö. Alussa vaikutti siltä, että mekin pääsemme osalliseksi tähän mielenkiintoiseen ja antoisaan toimintaan. Toisin kävi. Alkuvuodesta meillä oli vain yksi yhteinen projekti, vuonna 2012 ei päästy yhteenkään. Huhtikuussa 2011 esitimme Le-

ningradin alueen kuvernöörille inkerinsuomalaisten kirjaamista Venäjän vähälukuisten alkuperäiskansojen luetteloon, mutta emme ole vielä saaneet vastausta. Kun inkerinsuomalaiset lopulta saavat tämän virallisen statuksen, on meidän helpompi tavoittaa virallinen status myös suomen kielelle.

On huomionarvoista, että kuluvan vuoden suomalais-ugrialaisten kansojen maailmankongressiin ei saapunut yhtäkään Pietarin eikä Leningradin alueen hallituksen virallista edustajaa. Unkarin ulkoasianministeriö oli kutsunut kongressiin neljän osallistujamaan presidentit ja saanut heidän suostumuksensa osallistua kongressin työhön. Tämä tieto toimitettiin päättäjille Venäjän niillä alueilla, joissa asuu suomalais-ugrialaista väestöä. Venäjältä kongressiin saapui valtakunnallinen kulttuuriministeri ja useiden alueiden kuvernöörejä, heidän joukossaan Karjalan tasavallan päämies inkerinsuomalainen **Aleksanteri Hutilainen**. Oliko se, että omat päättäjämme loistivat poissaolollaan sattuma?

Kongressin edustajiemme matkukujen korvaamista viranomaisem-

me eivät ottaneet edes käsitteelyyn. Vaikka suomalais-ugrialaisten kansojen keskuskomitean puheenjohtaja kehotti Pietarin ja Leningradin alueen kuvernööriä rahoittamaan kongressin edustajien matkoja Unkariin, Pietarin alueen neljän suomensukuisen kansan edustajille (inkerinsuomalaisten, inkerioisten, vatjalaisten ja vepsäläisten) ei korvattu edes luvattua bussimatkaa Pietarista Tallinnan lentoasemalle ja takaisin.

Vaikuttaa siltä, että Pietarin ja Leningradin alueen johtajat eivät kaipaa sen suomensukuisia kansoja. Näin inkerinsuomalaisetkin tuntevat itsensä Venäjällä vieraaksi, hylätyksi kansaksi, jota maansa ei huoli.

MAALMANKONGRESSI PITÄÄ TARKOITUKSEN- MUKAISENA...

Vuoden 2002 väestönlaskennan mukaan Venäjän Federaatiossa oli 34 000 suomalaista,³ ja vuonna 2010 suomalaisia enää 20 300.⁴ Kahdeksassa vuodessa väestömme vajuus teki 40 %.⁵ Tällaista ei inkerinsuomalaisten historiassa ole tapahtunut koskaan ennen.

Tässä ovat ehdotuksemme kongressin loppuasiakirjaan:

1. Maailmankongressi pitää tarkoituksenmukaisena vauhdittaa vähälukuisen jokaisen kantakansan tai kansallisen vähemmistön statuksen saamista maan lainsäädäntö huomioon ottaen.

2. Maailmankongressi pitää tarkoituksenmukaisena vastaavan statuksen myöntämistä suomalais-ugrialaisten kansojen kielille näiden kansojen asuinalueilla.

3. Maailmankongressi pitää tarkoituksenmukaisena suomalais-ugrialaisten kansojen, heidän kielensä ja kulttuuriensa säilyttämisen ja edistämisen ohjelman hyväksymistä näiden kansojen kaikilla asuinalueilla.

Valitettavasti maailmankongressien hyväksymät päätöslauselmat eivät ole viranomaisia velvoittavia.

Aleksanteri Kirjanen,

Inkerinsuomalaisten
valtuuskunnan johtaja
maailmankongressissa Siófokissa,
suomalais-ugrialaisten kansojen
keskuskomitean jäsen.

¹Neuvostoliiton Sisäministeriön alueen hallinnon tietojen mukaan (данные областного управления МВД) lokakuussa v.1946 Leningradin alueella oli asunut 6524 inkerinsuomalaista (Musajev. Inkerinmaan poliittinen historia 1800-luvun lopussa ja 1900-luvulla. S.298). Toukokuussa v.1947 Leningradin alueella asui 13958 suomalaista (op.cit. S.299) ja marraskuussa v. 1947 Leningradin alueella oli suomalaisia 6189 h. (op.cit. S.304)

²V. 1959 väestönlaskennan mukaan Leningradin alueella oli 20 043 suomalaista, sen lisäksi Pietarissa 3150 suomalaista (Musajev. Op.cit. s.317).

³http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab5.xls

⁴<http://finugor.ru/node/22478>

⁵Muuten, v.2010 väestönlaskennan tietoja ei pitäisi käyttää, koska niistä ei ole varmuutta. Ks. esim. <http://www.utro.ru/articles/2010/11/03/934515.shtml>

KRONIKKAA

Kesä on juhla-aikaa

Toksovassa 23. kesäkuuta pidettyyn juhannusjuhlaan liittyi epämiellyttäviä yllätyksiä. Esiintymislava saatiin käyttöön vasta viime hetkillä ja sekun Toksovan seurakuntalaisten ja Virosta saapuneiden vieraiden voimin. Kohta juhlan alettua äänenvahvistin lakkasi toimimasta. Vastoinkäymisistä huolimatta voidaan silti vahvistaa, että juhla onnistui.

Kuluvan vuoden juhannusjuhlat omistettiin Röntyskälle. Perinneyhtyeemme toiminnasta tuli tänä kesänä kuluneeksi 35 vuotta. Toksovan Rappulassa vuonna 1977 perustettu yhtye nousi inkerinsuomalaisten kulttuurin ja historian omanlaiseksi tunnuskuvaksi. Siitä kertoi Inkerin liiton Pietarin piirijärjestön puheenjohtaja **Wladimir Kokko**. Juhlan tervehdyspuheet pitivät IL:n puheenjohtaja **Aleksanteri Kirjanen**, Viron inkerinsuomalaisten liiton ja Ruotsin Inkeri-liiton edustajat.

Juhlaväelle esitettiin monipuolinen ja värikäs ohjelma, josta vastasivat Talonmerkki-yhtye, Rakveren Tedremari-tanssiryhtye, Röntyskä-yhtye Tartosta ja Pietarin virolaisseuran Neevo-yhtye. Illalla Toksovan seurakunnan kanttori **Olga Minkina** piti kirkossa urkukonsertin.

Juhlan toisena päivänä Toksovan koulussa järjestettiin siirrettävä museonäyttely ja esitettiin historiallisia kertomuksia sekä inkerioisia ja inkerinsuomalaisia kansanlauluja.

Juhannusjuhla vietettiin 23. ja 24. kesäkuuta myös Skuoritsassa, Tuutarissa ja Keltossa.

Perinteinen vatjalaisjuhla pidettiin Luutsassa 15. heinäkuuta.

Status on myönnettävä

Leningradin alueen kansalaiskamarin istunnossa 28. kesäkuuta tarkasteltiin suomensukuisten kansojen asemaa. Inkerin Liittoa siinä edusti puheenjohtaja **Aleksanteri Kirjanen** ja liiton jäsen **Olga Konkova**. Keskustelussa painotettiin, että inkerinsuomalaisille on myönnettävä alueen alkuperäiskansan status ja on järjestettävä suomen kielen opetus Leningradin alueella.

Uusia kirjoja Inkeristä venäjäksi

Majakovskin nimeä kantavassa Pietarin kirjastossa pidettiin 15. elokuuta kahden paikallisen Gjöl- kustantamon julkaiseman kirjan julkistamistilaisuus. Toinen kirjoista on venäjännös vuonna 1969 Helsingissä ilmestyneestä Inkeriläisten Sivistyssäätiön julkaisemasta Inkerin Suomalaisen historiasta. Toinen kirja on myös venäjäksi, mutta se edustaa omaa laajasti kuvitettua tutkimusta Inkerin kirkon toiminnan vaiheista. Kirjojen julkistaminen järjestettiin myös Skuoritsan kirkossa. Kummassakin tilaisuudessa oli läsnä kirjojen kustantaja **Mihail Braudze**.

Jumalanpalvelus Koirankankaalla

Koirankankaalla, jossa kansalaissodan aikana, 1920- ja 1930 -luvulla murhattiin joukkoina «luokkavihollisia», 13. lokakuuta pidettiin jumalanpalvelus ja surukokous. Tilanteessa kävivät inkerinsuomalaiset aktiivit **Valeri Ferman**, **Mihail Braudze** ja **Antti Pyykkönen**.

Toimittanut **Antti Pyykkönen**

EERO ILMARI HAAPAKOSKI JA INKERIN LIPPU

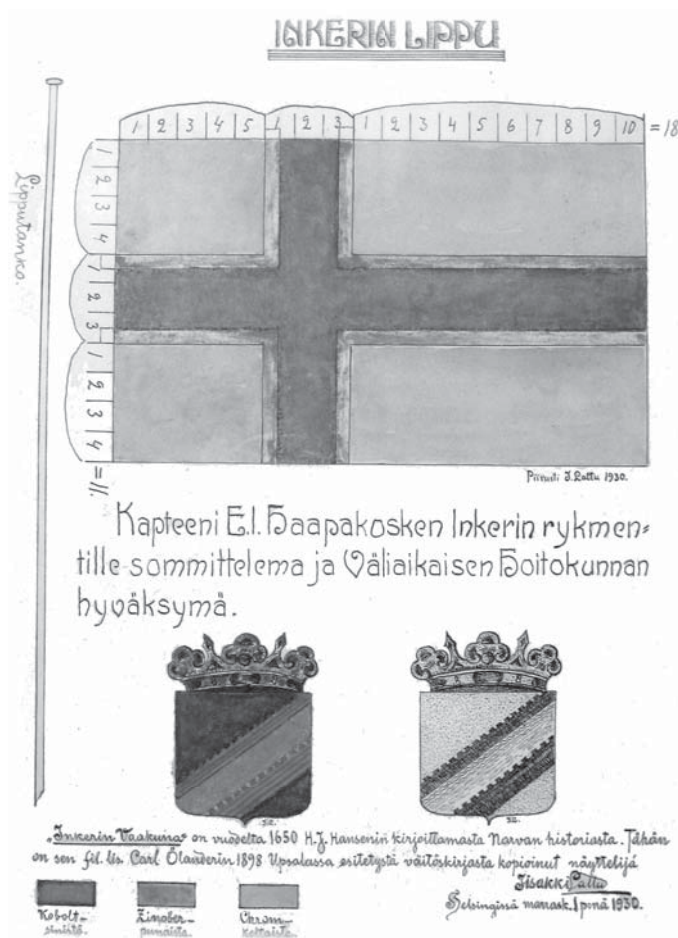
Me tiedämme Inkerin lipusta yllättävän vähän. Oikeastaan vain sen, että se on olemassa. Tekisi mieli uskoa, että oman lipun saaminen taistelutantereelle vuonna 1919 oli inkeriläisille vapaajoukoille siinä määrin mieltä ylentävä tapahtuma, että arvokas tieto sen synnystä vielä joskus löytyy. Mikäli näin tapahtuu, tulevan Inkerin liputuspäivän ajankohdaksi Suomessa, ja miksei muuallakin, voidaan kernaasti esittää ja hyväksyä Inkerin lipun vihkimispäivä. Siitä ei vain vielä ole tarkkaa tietoa, eikä monesta muustakaan yksityiskohdasta.

Näyttelijä Iisakki Latun kuva Inkerin lipusta

Tuntuu oudolta, että Liiton johdokunnalle Iisakki Latun esittämä väripiirros Inkerin lipun ja Inkerin vaakunan malleiksi ei herättänyt sen suurempaa huomiota. Toinen merkillä pantava havainto liittyy siihen, että Kirjasalossa tapahtuneen Inkerin lipun laskemisen jälkeen siitä mainitaan vain muutaman kerran Liiton omaisuuden luettelomisen yhteydessä. Esimerkiksi otettakoon Suomen Kansallisarkiston Inkerin Arkistosta löytyvä Luettelo Inkeriläisten toimikunnan omaisuudesta helmikuun 28 p:nä 1928. Kohta 2. Inkerin lippuja... 1 kpl (Inkerin liitolla).

Lipusta ei ole mainintoja Inkerin Liiton hallituksen, eikä johtokunnan pöytäkirjoissa, ei Suomessa vietettyjen Inkerin kesäjuhlien, eikä vuosijuhlien sanomalehtiselostuksissa. Inkerinsuomalaisen Erkki Räikkösen perustama ja johtama Itsenäisyyden Liitto teki Suomen lippua ahkerasti tunnetuksi, ja tässä mielessä hänen toimintansa olisi voinut olla esikuvana Inkerin Liitolle. Olihan Inkerin lippu olemassa. Eipä kuitenkaan. Lippuasiasia tuli esiin vasta kymmenen vuotta myöhemmin lipun käyttöön ottamisen jälkeen. Tarkka tieto lipun vihkimisajankohdasta ei ole vielä löytenyt. Seuraava maininta lipusta löytyy vasta jatkosodan aikana.

Helsingissä asunut Suomalaisen teatteri näyttelijä Iisakki Lattu toi nähtäväksi Inkerin Liiton johdokunnalle värikuvan lipusta 1. marraskuuta 1930. Suunnilleen A 4:n kokoisessa kartongissa Iisakki Lattu piirtämän lipun alla lukee: ”Kapteeni E. I. Haapakosken Inkerin rykmentille suunnittelema ja Väli-aikaisen Hoitokunnan hyväksymä.

Piirsi I. Lattu 1930. Lipun pituus 18 mittayksikköä ja leveys 11.” Tämän tiedon on lainannut tunnettu suomalainen heraldiikan asiantuntija Kari K. Laurila 1989 julkaisemaansa kirjaseen *Inkeri. Vaakuna ja lippu*. Hän toteaa, että alun perin Länsi-Inkerissä 1919 toimineelle Inkerin rykmentille piirtämäänsä lippuun Haapakoski oli valinnut Ruotsin aikaisen vaakunan värit. Tukholman varuskammiossa nähtävänä olevien Inkerin vaakunoiden värit ovat kaukana Latun esittämästä ja Laurilan toistamista. Värit ovat nimittäin siniharmaat. Koska meillä ei ole muuta näyttöä kuin Iisakki Lattu piirros, voidaan olettaa vaakunan ja ensisijaisesti Inkerin lipun värien olevan Iisakki Lattu luomuksia.

Otteessa Pohjois-Inkerin Hoitokunnan ylimääräisen kokouksen pöytäkirjasta 11. maaliskuuta 1921 § 15 kerrotaan, että ”Vahvistetaan Inkerin lipun väri ja koko seuraavasti: pohja keltainen; risti sininen; ristin reunamaviivat: tiilenpunaiset. Koko korkeus: 100 cm.: 35 keltaista, 5 punaista, 20 sinistä, 5 punaista, 35 kelt. Pituus 150 cm.: 45 keltaista, 5 pun., 20 sinistä, 5 pun., 75 keltaista. Otteen

oikeaksi todistavat M. Kälviäinen ja J. Tirranen. Samassa esitetään Inkerin lipun piirustus mittasuhteineen.

Lattu esittämästä piirroksista Laurila toistaa Inkerin lippu väriskaalan: ”tausta on krominkeltainen, skandinaavinen risti sinoberinpunainen, jonka päällikkeenä koboltinsininen risti.” Lipun mittasuhteet ovat 18 (5+0,5+2+0,5+10): 11 (4+0,5+2+0,5+4). Myös toisenlaisia mittasuhteita on käytetty, Laurila huomauttaa. Hänen kirjassaan esitetään kynäpiirros Inkerin lipun luonnoksesta.

Luettuani satoja sivuja hoitokunnan pöytäkirjoja en ollut tavannut niissä mainintaa, joka millään tavalla olisi sivunnut lippua. Tämän vuoksi Laurilan kirjassa esittämä väite, että ”lippu sai suojelemaan vastaanoton vapautetuilla alueilla ja kansa otti sen omakseen sekä näin pataljoonan lipusta tuli koko Inkerin lippu” vaikuttaa lähinnä hyväuskoiselta kaunopuheisuudelta. Laurilan mukaan Inkerin vapaajoukolla sen ensimmäisessä hyökkäyksessään Länsi-Inkerissä 12. toukokuuta 1919 oli mukanaan oma lippu. Lähdeviitteitä Laurila ei kuitenkaan esitä.

Jos vuonna 1919 käyttöön otettu Inkerin lippu olisi taisteluissa tai muissa olosuhteissa kärsinyt tai tuhoutunut, on todennäköistä, että tapahtumasta olisi säilynyt edes jonkinlainen merkintä jossakin Inkerin pataljoonan tai rykmentin asiakirjoissa. On hämmästyttävää, että Kansallisarkistossa ja Suomen Inkeri-liiton arkistoissa Inkerin rykmenttiä ja myöhemmin Inkerin Liittoa koskevista asiakirjoista on lipusta huomautetaan vain ohimennen ja silloinkin lähinnä Liiton omaisuusluetteloissa.

Merkillistä tässä lipputarinassa on myös se, että Inkerin lipun voi tunnistaa muutamasta mustavalkoisesta aikalaisvalokuvasta. Varmimmin lipun näkee sen noston ja laskun yhteydessä Pohjois-Inkerin erikoispataljoonan lakkauttamiseen liittyneessä jäähyväisparaatissa Kirjasalossa 5. joulukuuta 1920. Mainitusta Laurilan kirjasta löytyy valokuva myös Pohjois-Inkerin vapaajoukkojen lipun vihkimistilaisuudesta 8.9.1919 ja lippuvartiosta. On kuitenkin niin sanottu hyvä kysymys, missä määrin mainittuihin ajankohtiin voi luottaa.

Inkerin lipun syntyjen selvittelyn perusongelmaksi on muodostunut hyväksyttävien lähdeviitteiden puute, ja julkaistujen tietojen kritiikittömä myöhempi lainaaminen. Vaikuttaa siltä, että näin on käynyt muun muassa Kari Laurilan kohdalla. Hän on luottanut Iisakki Lattu piirtämän lipun mallikuvaan ja siinä olevaan lipun syntyyn liittyvään tekstiin. Käytössä olevan tiedon perusteella Inkerin lipun taustoja ei voida pitää selvinä. Jotain meillä on kuitenkin tiedossa, niin lipun suunnittelijasta kuin lipun vaiheistakin. Ilmari Haapakosken nimen liittymisessä Inkerin suomalaisuuteen on ollut paljon sattumanvaraista. Lähtökohtaisesti mikään ei viittannut siihen, että hän jättäisi jälkensä Inkerin historiaan.

Taiteilija Ilmari Haapakoski

Eero Ilmari Haapakoski syntyi Sortavalassa 27. helmikuuta 1893. Hän kirjoitti ylioppilaaksi Helsingin Suomalaisesta normaalilyseosta 1911. Haapakoski merkittiin saman vuoden toukokuussa Helsingin yliopiston nimikirjaan ja poistettiin ylioppilaslettelosta kevätkaudella 1913. Samana vuonna hän löytyi kirjoilta taideteollisuuskoulusta, silti hän ei suorittanut yhtäkään kurssia. Haapakoski kirjoitautui yliopistoon

EERO ILMARI HAAPAKOSKI JA INKERIN LIPPU (jatko)

uudelleen syyskuussa 1915, ja hänet poistettiin kirjoista kevätlukukaudella 1917. Hän saattoi opiskella yksityisesti jossakin Helsingin korutai kultasepäniikkejä, vaikka toistaiseksi siihen ei ole löytynyt varmistusta.

Eero Haapakoski ja hänen vaimonsa Inkeri Maria

Seuraavaksi löydämme Ilmari Haapakosken osallistumassa Suomen Vapaussotaan, kuten Suojeluskuntain Yliesikunnan henkilötietomerkintä antaa hänestä tietää. Siitä alkaa nuoren miehen sotilasura: reservikornetti 1919, aktiiviupseerikurssi Suomen kadettikoulussa 1920, puolen vuoden opetus Ecole d'application de Cavaliessä Saumurissa Ranskassa vuosina 1920–1921. Samana vuonna Haapakoski ylennettiin luutnantiksi. Sarakkeessa siiveilliset ominaisuudet hänestä lukee: tyyni ja harkitseva. Hänen silmäänpiistäviä ominaisuuksiaan oli hyvä ratsastustaito. Haapakosken siviiliammattiksi on merkitty koristetaiteilija. Hänen henkilötietojensa kielitaitoluettelo on ker-

nessään vaikuttava. Sen mukaan hänen suulliseen ja kirjalliseen taitoonsa kuuluivat suomen ja ruotsin lisäksi saksa, englantti, ranska ja venäjä sekä välttävästi tanska.

Haapakosken omakätisesti Saumurissa 8.4.1921 kirjoittama kaksisivuinen uskollisuudenvala luultavasti avasi hänelle mahdollisuuden nousta urallaan. Vuonna 1926 hän toimi Suojeluskuntain Yliesikuntapäällikön Lauri Malbergin adjutantina, nyt jo kapteenina. Haapakoski komennettiin elokuussa 1928 puoleksi vuodeksi Hämeen ratsurykmenttiin. Komennuksen päättymiseksi on merkitty 1.2.1929. Kapteeni Eero Ilmari Haapakosken elämä katkesi 23.4.1929.

Mitä meille on jäänyt käteen?

Esitetyn valossa me voimmekin kysyä, missä välissä ja milloin hän sai kosketuksen Inkeriin niin, että hän innostui suunnittelemaan Inkerin lipun? Palataan 1910-luvulle. Hajanaisten tietojen yhdistäminen ja rinnastaminen antaa kuvan siitä, että ylioppilas Ilmari Haapakoski olisi vuosina 1913 ja 1914 jonkin aikaa asunut alivuokralaisena inkeriläissyntyisen näyttelijä Iisakki Latun asunnossa Helsingissä osoitteessa Pohjoinen rautatienkatu 17. Siellä Eero tutustui Latun tyttären Inkeri Mariaan. Nuoret avioituivat. Näin Iisakki Lattu, lahjakas mies ja hyvä piirtäjä hänkin, sai vävykseen kuvataiteilijan. Kaikki muu, mikä liittyy Inkerin lipun syntyvaiheisiin, onkin hämärän peitossa.

Loppuen lopuksi me tiedämme Inkerin lipusta yllättävän vähän.

Oikeastaan vain sen, että se on olemassa. Tekisi mieli uskoa, että oman lipun saaminen taistelutantereelle oli inkeriläisille vapaajoukoille siinä määrin mieltä ylentävä tapahtuma, että arvokas tieto joskus vielä löytyy. Mikäli näin tapahtuu, tulevan Inkerin liputuspäivän ajankohdaksi Suomessa voidaan kernaasti esittää ja hyväksyä Inkerin lipun vihkimispäivä. Siitä ei vain vielä ole tarkkaa tietoa, eikä monesta muustakaan yksityiskohdasta.

Emme vielä tiedä kenen aloitteesta Haapakoski oli suunnitellut Inkerin lipun, kenen toimesta ja missä se valmistettiin, miten lippu toimitettiin Inkerin taisteluyksikköön 12.5.1919 ja niin edelleen. Me tiedämme varmasti, että jatkosodan aikana Inkerin lippua käytettiin valalippuna heimosotureiden yksiköissä, tietämättä kuitenkaan varmuudella, että kyseessä olisi ollut kansalaissodan aikainen lippu. Piirtämässään lipun värillisessä kuvassa Iisakki Lattu viittaa, että hän teki mallin Ilmari Haapakosken luonnoksesta. Me tiedämme tämän varmasti, koska Latun piirros kuuluu Suomen Inkeri-liiton kokoelmaan. Sen sijaan Kansalliskirjastosta löytyvästä Eero Ilmari Haapakosken arkistosta ei kuitenkaan löydy yhtäkään lipun mallia tai harjoitelmaa. Missä määrin Latun esittämä Inkerin lipun malli vastasi Haapakosken omaa näkemystä lipun väreistä, ja mitkä niiden kuuluisi olla, jää yhä avoimeksi.

Wikipediasta löytyvän tiedon mukaan jatkosodan aikaisen ErP 6:n kirjuri Reino Vesikko toimitti pataljoonan käyttämän lipun Inkerin Liiton huostaan. Kun Liitto

Inkerin lipun kantajat Kirjasalossa v. 1919

lakkautettiin Moskovan välirauhasopimuksen mukaisesti ”fasistisena” järjestönä” 26.11.1944, Reino Vesikko vei lipun mukanaan Ruotsiin. Ruotsi oli kylmän sodan aikana ainoa pohjoismaa, jossa Inkerin lippua saatettiin vapaasti käyttää julkisesti. Inkerinsuomalaisten kesäjuhilla Boråsissa 1949 lipun tunnisti alkuperäiseksi sen ensimmäinen lipunkantaja vuodelta 1919 Aatami Kämpäs. Vesikon palattua Suomeen 1949 lippu jäi Ruotsin Inkeri-liiton nyt jo edesmenneelle aktivistille Matti Randefeltille (Pylsulle), joka säilytti sitä kotonaan Örebrossa 40 vuotta. Tämä historialliseksi luokiteltava lippu luovutettiin heimoveraanien läsnä ollessa Helsingissä toimivalle Sotamuselle 10.6.1999. Sen kankaan aika-ajoitus poistaisi arvailut lipun iästä. Silti paljon on vielä selvitettävää.

Toivo Flink
Dos, erikoistutkija
Siirtolaisuusinstituutti
Turku

Inkerin lipun lasku Kirjasalossa v. 1920

Творец национального флага

Флаг был создан в первой половине 1919 года для сформированного в Эстонии Западно-Ингерманландского батальона, который вместе с Северо-Западной армией принял участие в двух наступлениях на Петроград. В июне 1919 этот флаг был поднят в Северной Ингрии в деревне Кирьясало, которую в течение полутора лет удерживали крестьянские повстанцы.

11 ноября 1921 на заседании Временной комиссии Северной-Ингерманландии было утверждено описание флага. А в 1930 году актер Иисаки Латту передал обществу Инкерин Лиитто цветной эскиз флага, выполненный

ранее художником Ээро Илмари Хаапакоски. На листке картона формата А4 было начертано:

«Разработанный капитаном Э.И. Хаапакоски и одобренный Временной комиссией флаг Ингерманландского полка. Рисунок И. Латту 1930. Длина флага 18 единиц, ширина 11 единиц».

Ээро Илмари Хаапакоски родился 27 февраля 1893 в Сортавала, в 1911 закончил нормальный лицей в Хельсинки и поступил в Хельсинкский университет, но был исключен в 1913, после чего поступил в художественно-промышленную школу, но не окончил курса. В 1915 он снова поступает в университет, из которого ушел в 1917 году.

В эти годы он также осваивает профессию ювелира. В 1913-14 году Хаапакоски снимает комнату у известного актера и художника ингерманландского финна Иисаки Латту. Вскоре Хаапакоски женился на его дочери Инкери Марии. Очевидно, молодой художник был хорошо информирован о национальном движении, испытывал интерес и сочувствие к судьбе ингерманландских финнов. Ээро Илмари Хаапакоски участвует в Гражданской войне, в 1919-20 заканчивает офицерскую школу, продолжает обучение в офицерской школе во Франции. С 1926 года в звании капитана он служит адъютантом начальника

главного штаба Шюцкора Лаури Малмберга. В 1928 его командируют в кавалерийский полк Хяме. Жизнь его оборвалась в 23 апреля 1929 года. В статье Тойво Флинка также приводятся наиболее значимые вехи истории флага.

Автор считает, что День Ингерманландского флага мог бы в будущем пополнить число официальных праздников Финляндии. А отмечать этот праздник можно было бы в день освящения первого национального флага. Но пока эта дата неизвестна.

Материал Тойво Флинка (стр. 3-4) кратко пересказал
Андрей Пюккенен

Койранкангас: пуля и крест

В субботу 13 октября на Ржевском полигоне прошла панихида на месте массовых расстрелов Койранкангас.

Автобус сворачивает со Всеволожского шоссе к КПП, у которого дежурят военные моряки в камуфляже и тельняшках. Здесь начинается территория военно-морского артиллерийского полигона. С интервалом в несколько километров — еще два КПП и шлагбаум. Автобус останавливается среди соснового леса. Вдалеке на горизонте виден знаменитый Кавголовский трамплин. Среди сосен скромный памятник — горка из валунов и большой православный крест из темного дерева. К кресту прикреплена табличка с надписью «Здесь, в урочище Койранкангас, в 20-е 30-е годы сталинский палачами были расстреляны многие тысячи наших сограждан». Между деревьями натянут большой банер, подробно рассказывающий об истории этого места.

О том, что творилось здесь, сегодня напоминает лишь земля — почти через каждые два три метра ямы, провалы. Поискники с миноискателем показывают журналистам свои находки — патроны от пистолетов «кольт» и «вальтер» из которых стреляли палачи, литой натальный крестик, видимо принадлежавший кому-то из расстрелянных.

Небольшой раскоп, сделанный поискниками. Среди рыжего

песка видны потемневшие кости одной из безымянных жертв. На дно раскопа ложатся красные гвоздики.

На огромных грохочущих мотоциклах подъезжает группа байкеров с флагом Санкт-Петербурга. Мотоцикл, идущий во главе небольшой колонны, ведет высокий человек с бородой и в кожаной куртке, в котором многие узнают отца Вячеслава Харинова, настоятеля Скорбященской церкви. Увлечение мотоциклом помогает священнику находить общий язык с молодежью. В течение многих лет отец Вячеслав сопровождает петербургских поисковиков, проводит перезахоронения павших бойцов, строит и освящает памятники и часовни на местах былых сражений.

Среди осеннего леса загораются свечи, звучат слова молитв. Завершив панихиду, отец Вячеслав выразил надежду, что когда-нибудь здесь будет создан настоящий мемориал. Пока этому препятствует статус полигона, посещение которого строго регламентировано.

«Хотелось бы, чтобы наше духовенство открыло для себя это место, чтобы сюда чаще приезжали священники. Койранкангас — это темная страница Гражданской войны, системы лагерей и расстрелов. Здесь особенно тяжело работать поисковикам: поднимать не тех, кто светло пал за Родину, а был тайно убит по ложному обви-

нению своими же соотечественниками — за аристократическое происхождение, офицерское звание или сан священника», — сказал отец Вячеслав.

«Это страшное обвинение всем палачам. Кто-то стрелял в человека с крестом на шее. Это антиподы, вещи из двух противоположных миров: крест — из мира света, надежды, любви, добра, а гильза — из мира отрицания всего, что связано с христианством», — добавил священник, держа на ладони крест и патрон, извлеченные из раскопа.

Койранкангас по-прежнему хранит немало мрачных загадок. В отличие от Левашовской пустоши, пока не удалось найти списки захороненных здесь. Свидетелями расправ стали жители окрестных деревень, ингерманландские финны, выселенные из родных мест в марте 1942 года. В течение многих лет они слышали по ночам крики и выстрелы, звучавшие в 1-2 километрах от их домов. Свидетелем одного из первых расстрелов стал уроженец Токсовской волости, впоследствии известный финский писатель Юхани Конкка. В автобиографическом романе «Огни Петербурга» писатель рассказывает о том как он, будучи 15-летним мальчишкой, нашел неподалеку от Койранкангаса тяжело раненного профессора Санкт-Петербургского университета, выжившего во время рас-

стрела и сумевшего выбраться из могилы. Вместе с Юхани Конкка прячет спасенного в летнем домике на дальнем пастбище. А через несколько месяцев будущий писатель и спасенный профессор вместе ушли в Финляндию.

Еще не так давно были живы многие из свидетелей, рассказы которых записал А. Крюков, а уже после него историки из «Мемориала». С большой вероятностью можно предположить, что среди жертв, нашедших последний приют под соснами Койранкангаса, были и ингерманландские финны. Раскопки, проведенные в 2002 году в нескольких точках Койранкангаса, подтвердили рассказы очевидцев. На опушке леса был установлен памятный знак. А в нынешнем году на месте расстрелов впервые прошла панихида, в которой приняли участие прихожане нескольких петербургских храмов, поисковики, члены мотоклубов и просто люди, неравнодушные к прошлому своей земли.

В панихиде памяти жертв репрессии приняли участие и представители ингерманландских финнов — директор издательства «Гйоль» Михаил Браудзе, редактор интернет-портала «Северная Ингерманландия» Валерий Ферман, заместитель главного редактора газеты «Инкери» Андрей Пюккенен.

Андрей Пюккенен

6-й финно-угорский конгресс в Шиофоке

С 4 по 8 сентября в Шиофоке (Венгрия) 6-й Всемирный конгресс финно-угорских народов.

Цель и назначение конгресса – сохранение и развитие языков и культур финно-угорских народов. Лозунг-девиз конгресса: «Язык и народ». Это значит: главный вопрос – о языке – собственно, о государственной поддержке сохранения и развития родных языков. На конгрессе было представлено 19 финно-угорских народов из разных стран (всего по списку их 23). Некоторые крупные этнические группы представлены как отдельные этнические единицы (как например, тверские карелы).

Ингерманландские финны тоже были представлены как отдельная этническая единица. Квота для представительства «ингерманландцев всех стран» определена в 10 человек. Ингерманландских финнов на конгрессе представляли 9 делегатов, из них двое от Петербурга (**Владимир Кокко** и **Татьяна Быкова**), трое от Ленинградской области (**Александр Кирьянен**, **Вилье Остонен**, **Дмитрий Поляков**), одна от Псковской области (**Хилья Коростелёва**), одна от Карелии, двое от Эстонии (**Тойво Кабанен** и **Сильви Лабби** – новый председатель Союза Ингерманландских финнов Эстонии), один от Финляндии (**Тойво Тупин**). Не прислали своих представителей ингерманландские финны из Швеции.

Конгресс открыли выступления президентов Венгрии, Эстонии и Финляндии. От России выступал министр культуры **Владимир Мединский**. Затем делегаты заслушали отчёт консультативного комитета финно-угорских народов. Председатель консультативного комитета **Валерий Марков** говорил о порядке формирования делегаций от каждой общественной организации. Поскольку квота ограничена, делегатов направляет съезд народа – или всех общественных организаций. Консультативный комитет не вправе влиять на формирование делегаций. Квоты для представительства ингерманландских финнов были определены на конференции в Тарту 3-4.12.2011 (в том числе были определены квоты от Петербурга и Ленинградской области). Потом списки делегатов утвердили на съезде Инкерин Лиитто).

Далее были выступления от народов и этнических групп. Все выступающие старались говорить на родных языках (был синхронный перевод на английский и русский языки). Делегаты из России начинали свои выступления на своих языках (две-три фразы), после чего переходили на русский язык. Для России это обычная практика, поскольку русский язык – единственный, на котором могут общаться между собой представители финно-угорских народов. От ингерманландских финнов

выступал **Александр Кирьянен**, также по-русски, «для того чтобы донести содержание сообщения до высшего представительства из Москвы без перевода и без сглаживания» (цитата). На сайте конгресса планируется публикация выступлений его участников, но пока это только благопожелание. Публикуем отредактированный текст выступления А. Кирьянена.

Ингерманландские финны: минус 40% за 8 лет

Ингерманландские финны – народ, по большей части живущий в рассеянии. В начале XX века ингерманландских финнов было около 150 тысяч, финны были вторым по численности народом в Санкт-Петербургской губернии (впоследствии – и в Ленинградской области), составляя большинство населения многих волостей. Сталинская политика ликвидации мелких национальных образований с последующей высылкой всего финского населения привела к тому, что в конце 1940-х годов в Ленинградской области вместе с Ленинградом проживало около шести тысяч финнов. К концу 1950-х годов в Ленинградской области смогли вернуться около 20 тысяч ингерманландских финнов, остальные осели в Карелии, Эстонии, частично в Финляндии и Швеции. Значительное число ингерманландских финнов осталось в местах спецпоселений в Сибири, Казахстане и Средней Азии.

В начале 1990-х годов правительство Финляндии предложило всем финнам, живущим в других странах, приехать в Финляндию на постоянное жительство. В результате в Финляндию за 20 лет переехало около 20 000 ингерманландских финнов и членов их семей. Люди получали возможность улучшить условия жизни. Но вместе с этим терялась многовековая культура ингерманландских финнов.

Ингерманландские союзы, созданные в 1990-х годах в Ленинградской области и в Санкт-Петербурге, в Эстонии, Швеции, Финляндии, Карелии, в Пскове, Новосибирске и других городах России, стараются в меру своих сил и возможностей поддержать и придать новый импульс культуре и традициям ингерманландских финнов. Вот почему на этом конгрессе присутствуют делегаты со всех этих регионов.

Для сохранения и развития культуры любого народа важна поддержка государства и местной власти. В Эстонии зарегистрирована национально-культурная автономия ингерманландских финнов, получающая ежегодную государственную поддержку. В Карелии выходит газета и журнал на финском языке также при поддержке правительства Республики Карелия. Это естественно, так как государство, в том числе и Российская Федерация, имеют международные обязательства по защите национальных меньшинств.

А что в исторической Ингерманландии – Петербурге и Ленинградской области?

В Петербурге уже 7 лет функционирует Дом национальностей. Я даже вхожу в его координационный совет. Общественные организации и автономия ингерманландских финнов ежегодно проводят в Доме национальностей различные праздники, семинары, рассказывая о традициях и культуре нашего народа. К сожалению, это всё проводится на энтузиазме исполнителей, БЕЗ ВСЯКОЙ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ СО СТОРОНЫ НАШЕГО ГОСУДАРСТВА – за исключением предоставления автобуса для доставки исполнителей.

В 2005-2010 годах у нас была совместная работа с правительством Ленинградской области, и она вся ушла в песок. В 2010 году был создан Департамент по межнациональным и межконфессиональным отношениям (в составе комитета по самоуправлению в структуре правительства Ленинградской области), позже его передали комитету по самоуправлению Ленинградской области. Казалось, что интересная и плодотворная работа будет развиваться, но получилось наоборот. В 2009 году у нас было восемь совместных проектов, в 2010 – пять, в 2011 году был только один совместный проект, в 2012 – ни одного. Долгосрочная целевая программа не заработала. В результате у нас с этим департаментом НИКАКОЙ СОВМЕСТНОЙ РАБОТЫ и никаких контактов. У нас были к ним обращения и предложения: а) о статусе ингерманландских финнов, б) написанная нами программа сохранения и развития финно-угорских народов Ленинградской области. По нашей логике они должны были пробить финансирование этой программы. Финансирования нет уже два года. Наши проекты – это мобильная школа (наши активисты ездили на 2-3 дня в различные точки Ленинградской области), мобильный музей, проведения праздников (день воды, день ижоры, юханнус) с привлечением местной администрации. Сейчас всё это прекратилось. Очевидно, эта работа не нужна комитету по самоуправлению.

В Ленинградской области фактически прекращено обучение финскому языку (было в Тайцах, Пудости, Сяськелево, Коммунаре, Гатчине, Горбунках, Колтушах, Токсово). В Гатчинском педагогическом техникуме нет преподавателя финского языка. В Гатчине финский язык как предмет был в школах № 1 и № 4, сейчас там финского языка нет. В Петербурге финский язык сохраняется в четырёх школах, из них в двух (№ 23 и № 200) финский язык – основной иностранный, в двух других – как второй и третий иностранный (т.е. факультатив). Отчасти дело в отсутствии финансирования. Вместе с тем мы видим, что ЭТО ЛИНИЯ.

В апреле 2011 года мы подали обращение к губернатору Ленинградской области о включении ингерманландских финнов в перечень коренных малочисленных народов России, но НИКАКОГО ОФИЦИАЛЬНОГО ОТВЕТА пока не получили. Даже сюда на Всемирный конгресс ни один официальный представитель от Санкт-Петербурга или Ленинградской области не приехал, не говоря уже об оплате проезда делегатов конгресса. Правительства Карелии и других национальных республик финансировали и организовали поездку делегаций на финно-угорский конгресс. Правительства Петербурга и Ленинградской области не послали своих официальных представителей, делегатам было предложено ехать за свои средства. Получается, что финны руководству Ленинградской области и Санкт-Петербурга не нужны. Соответственно ингерманландские финны не чувствуют себя нужными России – во всяком случае как финны. Одни уезжают из России, другие не позиционируют себя как финны.

Согласно переписи 2002 года в Российской Федерации было 34,0 тысячи финнов, по переписи 2010 – 20,3 тысячи. Минус 40% за 8 лет. Такого не было в истории ингерманландских финнов никогда.

В июне с.г. было заседание общественной палаты Ленинградской области. Меня пригласили. Был губернатор Дрозденко. По его просьбе ему были даны наши тезисы; к сентябрю реакции не было. Вот эти тезисы:

- а) у нас нет статуса коренного населения,
- б) нет финансирования,
- в) не работает созданная в Инкерин Лиитто программа сохранения и развития коренных финно-угорских народов (по причине нежелания комитета по самоуправлению в этом участвовать).

Многие говорят, что ингерманландских финнов не можно считать коренным народом Ленинградской области, поскольку «они выходцы из Финляндии». Бытует такое мнение, которое активно поддерживается. Почему это делают, понятно. Чем меньше финнов, тем лучше. Нет народа, нет проблем.

О работе конгресса

На второй день конгресса были секционные заседания. Всего секций было пять:

- 1) Этнополитика и право (присутствовал и выступал А. Кирьянен, приходил Т. Тупин),
- 2) Язык и образование (присутствовали Вилье Остонен, Дмитрий Поляков),
- 3) Культура (выступала Т. Быкова, приходил Вилье Остонен),
- 4) СМИ и информация (сопредседателем был В. Кокко),
- 5) Демография, здоровье, экология (присутствовала Хилья Коростелёва).

В выступлении на секции А. Кирьянен заострил внимание на наших предложениях – придании статуса коренного национального меньшинства и утверждение программ их сохранения и развития. Рассказывает А. Кирьянен:

«На третий день – снова общее («пленарное») заседание. К этому дню поступила реакция из Москвы. Губернатор Ленинградской области пригласил меня на встречу 9 сентября. Я не мог приехать (ещё находился в пути). На этой встрече были наши представители. Новости: департамент изымают из комитета и переводят (или преобразуют) в управление под началом вице-губернатора. Трудно сказать, что это будет означать. Губернатор уже знал о наших предложениях (а предложения сводятся к статусу и финансированию). Какие последствия это будет иметь – непонятно».

Ниже мы приводим мнения нескольких участников конгресса, представителей ингерманландских финнов.

Татьяна Быкова делала сообщение «Построение культурно-образовательных мостов» (секция культуры). Вот её основные тезисы:

«Чтобы сохранять культуру, надо прокладывать мосты (например, древность – современность, финны – русские), то есть делать нашу культуру интересной современным людям, в том числе им представителям других народов. Далее, нужно иметь свои бренды (напр. – сампо-украшения, матрёшки в финно-угорских костюмах). Вопрос в том, как это делать. При сочетании старых и технологий и современного дизайна получается авангардное искусство с национальными корнями (Татьяна продемонстрировала пятиместную матрёшку от Сампо-центра – А. Кр.). Во многих странах этническая самобытность размыта. Венгрия яркая, здесь много брендов, много производства».

Владимир Кокко был сопредседателем на секции СМИ и информация. Не выступал, поскольку его функция этого не позволяла. Приводим его мнение о работе конгресса:

«Лейтмотивом конгресса был вопль: численность финно-угорских народов (кроме хантов и манси) стремительно сокращается (у карел – на 32% за 8 лет). Ещё быстрее сокращается число владеющих языком (карельским языком владеет менее 3% населения Карелии). Рецептов изменения ситуации не предлагалось».

На секции «СМИ и информация» говорили о роли СМИ в укреплении идентичности. Отмечались отдельные успехи: возникновение национальной эстрады на марийском языке, использование родных языков в блогах. Фактически, национальные языки не имеют официального применения; новые медиа (электронные СМИ, блоги, социальные сети) позволяют немного эту сферу расширить. Выступавшие

Олег Каштанов (справа) рассказывает о достижениях Мордовии. Слева сопредседатель секции Владимир Кокко.

разоблачали показушные меры (в области применения мордовского языка).

Позитивным можно считать то, что выступавшие были все «в теме», было много мыслей, было видно, кто мыслит широко. Вообще, участие в работе конгресса и общение на таком уровне способствует воспитанию национального актива».

Вилье Остонен был на финно-угорском конгрессе впервые. Вот что он рассказал:

«Я получил представление, что такое финно-угорский конгресс. Я даже не знал и не представлял, что есть такие родственные народы, что есть какое-то родство. Для меня это было удивительно».

Удивительно было и то, что за 20 лет финно-угорского движения (с 1992 года) удалось добиться видимых результатов, создать реально работающую структуру.

Я был на заседании секции культуры. Время выступлений было ограничено. Комиссия останавливала выступавших. Наши все, кто из России, говорили не о проблемах, а о себе, о своих успехах и достижениях. Настоящей дискуссии не было. Я всё время тянул руку, но ничего сказать мне так и не дали. Это мне напомнило советский колхоз, где каждый докладывает, сколько он намолотил. Каждый говорил про свой огород».

Я хотел сказать о физической культуре как о части общей культуры. Ни в одном из выступлений не прозвучало упоминания о народных играх, не говоря уже о спортивных играх. В других странах проводятся пробеги, шествия, марши. Такие марши можно было бы проводить у нас. Все говорили о танцах и песнях, и никто не представил народных игр. О них не было даже упоминания, хотя мне известно, что такие мероприятия проводятся. Многие народы не забывают народные игры, когда проводят свои праздники. Так делают и русские, и татары, и все другие. Игры есть и в финской, и в ингерманландской традиции. Для развития национальных игр можно было бы создать игровую и спортивную секцию, или подсекцию в рамках секции культуры».

Присутствие на финно-угорском конгрессе – для нас это большая честь. Большинство активистов варится в своём котле, они далеко не ездят. Настоящее дело делается силами подвижников. Это фанатики, среди них много пожилых людей. Остальные пиарятся, крутятся при деньгах.»

Марина Ильина – представитель воды – в коротком выступлении сообщила следующее:

а) нас 64 человека, б) «водский музей» в деревне Лужицы построен, но с его будущим ничего не ясно (его открытие откладывается, экспозиции нет, местные активисты в неведении). Вывод Марины после конгресса: «можно рассчитывать только на себя».

7 сентября 6-й всемирный конгресс финно-угорских народов принял резолюцию. Она пространна и содержит много общих мест, поэтому мы её здесь не приводим. Читать резолюцию можно на сайте Международного Консультативного Комитета финно-угорских народов. Резолюция опубликована на русском и английском языках. О тексте резолюции можно сказать, что он довольно неконкретный, а также то, что в нём нет ничего принципиально нового. В. Кокко особо отметил, что решения консультативного комитета финно-угорских народов не являются обязательными ни для кого».

Некоторые серьёзные СМИ (regnum.ru) расценили прошедший финно-угорский конгресс как «рутинный», а состояние финно-угорского движения определили как «застой». О причинах такой, скажем прямо, невысокой оценки финно-угорского движения довольно подробно говорится в статье «Застой финно-угорского движения: итоги рутинного саммита в Шюофокке (Венгрия)». Автор статьи **Дмитрий Семушкин** здраво и со знанием дела рассуждает о политизации этничности, о дрязгах среди национальных активистов, о формализации работы конгресса (выступления в виде монологов, отсутствие обсуждения реальных проблем). Остановимся подробнее на одном важном для нас пункте.

Резолюция VI Конгресса исходит из признания коллективных прав финно-угорских народов. Между тем, юридически таких прав не существует. Налицо терминологический и юридический казус. Конгресс рассматривает финно-угорские народы России в качестве народов, проживающих на завоеванных и колонизируемых территориях. Официальные представители России такую постановку вопроса не принимают, поскольку очевидно, что она им не выгодна. Присутствовавший на Конгрессе министр культуры России Владимир Мединский заявил буквально следующее: «В России проживают 193 народа, они говорят на 227 языках и диалектах. И каждый народ рассматривается как коренной народ РФ». Это совершенно иная позиция. Если все народы равны, то у малых коренных народов не может быть никаких особых прав (у меньшинства не может быть больше прав, чем у большинства). В таком случае надо уточнить, какого статуса мы добиваемся. Суть дела объясняет А. Кирьянен:

«Есть перечень из 40 с небольшим народов, которые имеют статус «коренной малочисленный народ Российской Федерации» (раньше они назывались «народы Севера, Сибири и Дальнего Востока»). Это алеуты, эвенки и другие. Этот статус давал им какие-то преимущества. Теперь этот перечень будут расширять, в него планируется включить все народы численностью до 50 тысяч человек (а таких народов в Российской Федерации около ста). Недавно статус коренного малочисленного народа получила вода, несколько раньше – ижоры. В апреле 2011 года мы послали запрос-заявку губернатору Ленинградской области о необходимости признания ингерманландских финнов коренным малочисленным народом в Ленинградской области. Вопрос оказался спорным, поскольку, как многие считают, в нашем появлении на этой земле виновато Шведское королевство. Но и в этом случае наши предки до переселения жили на территории современной Ленинградской Области. Это уже казуистика. Нужна экспертиза. Эксперты, которых находим мы, не устраивает оппонентов. Нужны эксперты, которых признают обе стороны. Нам говорят, у нас нет специалистов. Но позвольте, Ленинград всегда был признанным центром финноугроведения. И где тогда есть специалисты?»

Подведём итоги. Понятно, что в предоставлении ингерманландским финнам особого статуса власти РФ не заинтересованы. И это ещё вопрос, что будет, если такого статуса удастся добиться. Ижоры официально признаны коренным малочисленным народом РФ, но настоящим ижорам пользы от этого практически никакой. Так что можно смело присоединяться к мнению Марины Ильиной.

Материал подготовил
А. Крюков

Такой была эстонская Ингерманландия

После завершения мирных переговоров между Советской Россией и Эстонией, прошедших в Тарту в феврале 1920 года, граница между двумя государствами прошла в нескольких километрах восточнее Ивангорода в районе деревни Комаровка. Несколько деревень на правом берегу Наровы, населенных ингерманландскими финнами и ижорами, на 20 лет оказались в составе Эстонской республики. Два десятилетия трудно назвать идиллией – жизнь омрачали экономические неурядицы, не всегда в полной мере работали и демократические механизмы. Однако все познается в сравнении.

У самой границы с СССР свободно развивалась финская культура, выходили газеты на финском языке, работали финские школы, создавались сельскохозяйственные кооперативы и кружки, а благосостояние жителей, привыкших к упорному труду медленно, но верно росло. Сюда приезжали финские этнографы, поскольку только здесь можно было свободно изучать культуру и фольклор ингерманландских финнов и ижор. В зарубежной историографии эта территория получила название «Эстонская Ингерманландия» (Vigop Inkeri). Какой была Вирон Инкери? Эта статья – первая на страницах «Инкери» (но, надеюсь, не последняя!) попытка рассказать об этом.

Церковь лютеранского прихода Куземкино, к которому относились финские деревни на правом берегу Наровы, оказалась по ту сторону «железного занавеса». И новая деревянная церковь на 250 мест была построена в Каливере (Kallivieri) в 1930–31 годах. Звон её колокола был слышен за несколько километров. Была в приходе и своя финноязычная газета Seurakuntaterveldys.

Настоятелями прихода были пасторы из Финляндии Хелле Калерво Эрвио (1930–37); Куста Хухта (1937–38); Пааво Вилхо Маалмиваара (1938); Рейно Юлёнэн (1939).

Кантором был Аатами Хюрри, старостой прихода – Симо Липпо. С 1912 года в Каливере работал сельскохозяйственный кооператив. В деревне Ханике работал сельскохозяйственный кружок, при котором действовала библиотека, предлагавшая жителям около 300 книг. Популярностью пользовались и кулинарные курсы при кружке.

В деревнях было много магазинов. В Каливере действовали три магазина, в Ванакюля – два.

В каждом доме имелись велосипеды (в СССР того периода – предмет

роскоши). Появлялись радиоприемники. Сообщение между Нарвой и деревнями Эстонской Ингерманландии осуществлялось тремя моторными лодками, принадлежащими Элиасу Рейю и его братьям.

Четырехклассные народные школы действовали в Кулла, Каливере, Ванакюля. Обучение там велось на финском языке. Молодежь продолжала учебу в сельскохозяйственных школах и христианских училищах, а также – в Нарвской гимназии. Многие учились в Финляндии. Национальный подъем, свойственный для Эстонии и Финляндии тех лет, не оставил в стороне и жителей финских деревень Принаровья.

В 1923 в Каливере Просветительское общество ингерманландских финнов Эстонии (Eesti-Inkeri sivistysseura), председателем которого стал Самуэль Коммер, известный общественный деятель приграничья, философ и редактор журнала Eesti Nõim.

В июне этого же года прошел первый песенный праздник Эстонской Ингерманландии.

Леандер Рейо – «Инкерин кунингас»

Другим обществом, завоевавшим популярность среди ингерманландских финнов, стало Ингерманландское общество (Inkerin seura), основанное в деревне Кулла в 1926 году.

Председателем его стал молодой общественный деятель Леандер Рейо, вернувшийся после учебы из Финляндии. Одним из первых шагов стало основание газеты Sanaserrä выходившей с 1927 по 1938 год. Тираж ежемесячной газеты был невелик – 250–300 экземпляров, однако популярность её среди жителей деревень была огромной. Печатали газету сначала на собственном ротаторе в Кулла, позднее – в Нарве в типографии Григорьева. В состав редколлегии кроме Леандера Рейо

входили Роберт Рейо, Антти Харакка и Пеетер Валтонен. Но у газеты было множество авторов и помощников. Общество была большая библиотека, при которой готовились также театральные постановки.

Леандер Рейо запомнился жителям деревень высоким ростом и аристократическими чертами лица. По воспоминаниям жителей, он входил в ингерманландские избы, пригибаясь в дверях.

В Финляндии его в шутку прозвали Королем Ингерманландии (Inkerin kuningas).

Другом и единомышленником стала его жена – школьная учительница эстонка Линда Лалль (Рейо). Однако Леандера Рейо не удовлетворяла работа, ограниченная несколькими деревнями. Ему не давали покоя мысли о тяжелой судьбе большинства ингерманландских финнов, оставшихся в СССР, где в эти годы начиналась коллективизация. А также – отнюдь не беспочвенные опасения, что «строители светлого будущего» наведуются и в Эстонию.

Леандер Рейо возглавляет местное отделение «Кайтселиит» (добровольное местное ополчение, аналогичное финляндскому шюцкору). В пьесе эстонского писателя Арнольда Ару, посвященной Леандеру Рейо, красочно описывается эпизод, типичный для приграничья тех лет.

На советской стороне границы, прошедшей прямо по деревне Кулла, идет первомайская демонстрация. Коммунисты, с пением революционных песен движутся прямо к границе, и, кажется сейчас перейдут её. По другую сторону достаточно хилой изгороди из колючей проволоки в полной форме с винтовками наперевес – члены «Кайтселиита» во главе с Леандером Рейо. В лицо коммунистам звучат песни финских белогвардейцев времен гражданской войны в Финляндии 1918 года и песни об Ингерманландии.

Леандер Рейо устанавливает контакты с ингерманландскими финнами по другую сторону границы, организует доставку литературы и листовок, не раз переходит границу. В пьесе Арнольда Ару упоминается даже радиопередатчик, при помощи которого велось вещание на советскую территорию.

Описывается в книге и неудачное вооруженное выступление в деревне Кулла, направленное против колхозов. Однако в последнем случае неясно, имеем ли мы дело с реальным историческим фактом, либо литературным вымыслом. Ведь восстание в одно отдельно взятой деревне изначально было обречено

на поражение. В 1931 Леандер Рейо пропал без вести в районе советской границы. Эстонские власти провели расследование, однако не смогли сделать определенных выводов. Было высказано предположение, что популярный общественный деятель с ярко выраженными антикоммунистическими взглядами был похищен советскими спецслужбами. Впрочем, не исключено, что он сам перешел границу и уже в СССР был арестован или убит. В пьесе Inkerin kuningas Леандера Рейо заманивает в ловушку предатель, перешедший на сторону большевиков. Буквально по «горячим следам» эстонским писателем Арнольдом Ару была написана пьеса, уже в 1934 переведенная на финский язык и изданная в Финляндии. Линда Рейо работала какое-то время учительницей в Каливере. Дальнейшая её судьба неизвестна.

После исчезновения Леандера Рейо активность общества Inkerin seura значительно уменьшилась – нового «Короля Ингерманландии» не нашлось.

Село Венкуль и общество «Заря»

Совершенно другим было мировоззрение древнейших жителей этих мест – ижор, живших в деревне Венкуль (Väikylä). Они хранили свой древний язык, песни и обычаи, пришедшие из глубины столетий. Однако называли себя «русскими людьми» и владели русским языком не хуже, чем языком предков (а молодежь – гораздо лучше). Русский язык был для них языком высокой культуры – литературы, песни, театра. В библиотеке народного дома были до дыр зачитаны книги русских классиков и советских писателей. Несмотря на недовольство эстонских чиновников, община

Церковь в Каливере

приобретала для школьной библиотеки собрания сочинений Горького, Шолохова, Фадеева и многих других советских писателей. Представители контролирующих инстанций недовольно морщили нос, однако не могли ничего поделать – демократия есть демократия.

Понятия «русское» и «советское» причудливо переплетались в сознании жителей. Этому способствовало и сильное отчуждение ижор в отношении независимой Эстонии. Одной из главных причин было плохое знание эстонского языка, ограничивающее возможность трудоустройства, участия в общественной и политической жизни страны.

Впрочем, многие представители молодежи, поработавшие в Эстонии, овладевали языком достаточно легко. Однако перевод школы с русского на эстонский язык, пошедший в начале 30-х годов, был воспринят жителями весьма болезненно. Позицию эстонских властей проводил новый директор школы ингерманландский финн Пааво Конто, руководитель Волосовского восстания 1918 года и участник Белого движения. Впрочем, среди жителей ижорского села он не пользовался популярностью.

Своего рода душой села было Общество русской культуры «Заря» готовившее театральные постановки, приобретавшее книги, поддерживающее работу хора. Огромным праздником для хора стало участие в фестивале русской песни, прошедшем в 1932 в Нарве. В нем приняли участие русские коллективы из Финляндии, Эстонии, Латвии. Приветствие участникам прислал живший во Франции Федор Шаляпин.

Об этом рассказывает в своей книге воспоминаний «Пласты истории села Венкуль» Борис Ёйги (Емельянов), уроженец села Венкуль. Рукопись была завершена в 1987

году незадолго до смерти автора, писавшего «в стол» и вряд ли надеявшегося издать её при советской власти.

19-летним юношей он был избран секретарем общества «Заря» и отдавал работе в обществе все свободное время.

В деревне жили крепкие хозяева, занимавшиеся, кроме традиционного крестьянского труда, ловлей рыбы, торговлей лесом. У некоторых сыновья учились на судовых механиков и штурманов, ходили на эстонских торговых судах во все уголки земного шара. Бедняков в привычном для нас понимании в деревне не было. Большие просторные дома отличались в лучшую сторону от низких дореволюционных изб на другом, советском, берегу пограничной реки Россони. Перед глазами читателя встает четырехметровый осетр, пойманный рыбаками, работавшими в артели нарвского рыбопромышленника эстонца Нымма. Живой осетр был преподнесен президенту Эстонии Константину Пяту, принявшему подарок.

Молочные продукты, зелень и ягоды с удовольствием покупали на другом берегу Нарвы, где располагался популярный курорт Нарва-Йыэсуу (Усть-Нарва). Борис Ёйги вспоминает о том, как ему, начинающему поэту, удалось побеседовать с отдохнувшим в Усть-Нарве Игорем Северянином. Был у селян и свой депутат в эстонском парламенте, русский по национальности, нередко встречавшийся с жителями деревни. Словом, несмотря на многие неурядицы, жизнь в деревне была вполне приемлемой.

Финал

Борис Ёйги вспоминает лица своих сверстников, ингерманландских финнов – юношей и девушек,

уходивших во время Зимней войны в Финляндию чтобы добровольцами вступить в финскую армию. Над Нарвой гудели советские бомбардировщики, несущие свой смертоносный груз через залив...

В молодости Борис Ёйги увлеклся коммунистическими идеями, участвовал в подпольном Союзе рабочей молодежи, встречается с людьми, приходившими «оттуда». Однако присоединение Эстонии к СССР летом 1940 года привело его к разочарованию. Он узнает о том, что многие из молодых людей, ушедших в 30-е годы в СССР в поисках лучшей жизни, погибли в лагерях, заподозренные в шпионаже.

Автор вспоминает о митингах, которые постоянно шли в августе в самый разгар уборки урожая. Самый богатый крестьянин деревни, выступавший с трибуны и со слезами на глазах приветствовавший Советскую власть, не знал, что через несколько дней все его имущество будет конфисковано. Впрочем в эти дни всё смешалось. Борис Ёйги вспоминает, что в рядах многотысячной демонстрации в Нарве, приветствовавшей советские войска были и сыновья упомянутого рыбопромышленника Нымма, одного из самых богатых людей Нарвы!

По иронии судьбы Борису Ёйги, назначенному новой властью временным сельским старостой, пришлось самому проводить ликвидацию общества «Заря», которому было отдано столько времени и сил. Ликвидации подлежали все общественные организации, действовавшие в независимой Эстонии. Пришлось ему ликвидировать и Общество сельских женщин в финской деревне Калливере. На страницах книги Борис Ёйги вспоминает плачущую финку, активистку общества.

Он вспоминает и о том, как на школьном дворе сваливали в грузовик книги из школьной библиотеки, многие из которых были запрещены в СССР. Изъятию подлежали даже тома классиков русской литературы, изданные вне СССР!

В финских школах были репрессированы почти все учителя. Начавшаяся война поставила крест на истории самобытного края.

В 1944 были вывезены в Финляндию ингерманландские финны. После возвращения в СССР им не позволили вернуться в родные места. Лишь наиболее упорные смогли вернуться сюда после смерти Сталина. Церковь в Калливере в 1946 была разобрана и перевезена в Венкуль, где её приспособили под Дом культуры. Однако молодежи в деревне не было и церковное здание превратили в свинарник. Позднее здание сгорело, став жертвой вандализма.

Ижорская деревня Венкуль в феврале 1944 года была сожжена отступавшими нацистами. В огне исчезли сельские дома, православная церковь и Народный дом. Жителям пришлось искать временный приют в Нарве и её окрестностях. В 1944 года освобожденная от гитлеровцев территория по правому берегу Нарвы была передана в состав Ленинградской области. Жители деревни Венкуль в большинстве остались живы, однако далеко не все вернулись к родному пепелищу. Вернувшимся вскоре была отстроена новая школа.

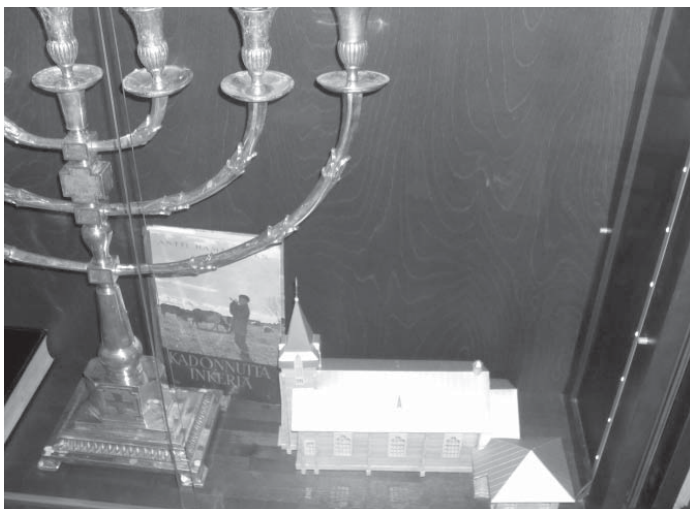
1 сентября 1945 в школу пришли 15 первоклассников. Люди возвращались с радостью, чтобы возродить родную деревню и жить в ней. Многие её молодые жители прошли Великую Отечественную в рядах Эстонского стрелкового корпуса Красной Армии. Однако детей в новой школе было очень немного. Люди уезжали в Ленинград или в расположенную поблизости Нарву. И в 1964 году школа закрылась, когда в ней остался всего один ученик. Сейчас в деревне не осталось постоянных жителей, но несколько десятков домов, превратившихся в дачи, принадлежат потомкам бывших жителей деревни, живущим большей частью в Нарве.

Андрей Пюккенен

Стихотворение, написанное для первого номера газеты «Sanaseppä» народным поэтом Элиасом Костейнсао

«Sanaseppä», hyvä
Kylvä kultajyvää,
Valoa meille kannan,
Tietoja, taitoa anna
Joka kotiin, kylään

«Sanaseppä», посеяй
Доброе зернышко золотое,
Принеси нам свет,
Дай знание, умение
В каждый дом и деревню

Экспонаты музея в Нарве.

Слева – серебряный подсвечник из церкви в Калливере

Саблинская тайна. Как я нашла дом своего детства

Этого мужчину я видела только однажды 30 лет назад. И мы сразу узнали друг друга. Когда поезд остановился на вокзале в Саблино, он (мужчина) направился ко мне, а я к нему. Наши руки раскрылись для объятий. Сближение душ началось.

Мужчину этого зовут Игорь. У него в Саблино дача. Более 70 лет назад дача была новым домом. Тогда в нем проживала я с родителями, также тетя Хелка и бабушка Лиза. Тогда это был наш дом, но не теперь. И к нему мы теперь направляемся.

Я уже раньше писала в этой газете о потерянном доме в Саблино. Мы с мамой и сестрами посещали его в 1983 году. Тогда я получила от хозяина адрес его городской квартиры, записанный на отдельном листочке. После посещения написала ему благодарственное письмо. Он не ответил. Листочек этот оказался среди других листочков. Понемногу я стала забывать, откуда получила его и чей это адрес.

Пять лет назад я сделала попытку найти дом моего детства. И думала, что нашла его, но в Финляндии, рассматривая сохранившиеся у нас чертежи, обнаружила, что количество окон и место трубы не совпадают. Цвет был тот же (жёлтый), но домов такого цвета в Саблино было много.

Позже мы с сестрой и двоюродными сестрами из Санкт-Петербурга еще дважды приез-

жали, обошли тогда все улицы и переулки в Саблино, сверяя дома с фотографиями. Нашего дома мы не нашли. Ещё мы пробовали выяснить нынешний адрес нашего дома (названия улиц и номера домов за 70 лет изменились). Но ничего так и не прояснилось.

И тут на глаза попал тот давнишний листок. Написали по тому адресу письмо. Ответа снова не получили. Может, человек переехал? Или он не хотел отвечать? И имеет ли данный листок какое-то отношение к нашему делу?

Я стала размышлять, почему поиск дома стал таким важным для меня? Не знаю.

Может, пробудилась от ознобления, что время уходит. Хотела показать детям и внукам в каком доме жила, какая красивая природа окружала меня в детстве. Думаю, это заинтересовало и сестру с её потомками.

Поиск уже стал казаться безнадежным: каждый переулок в Саблино был исхожен и не единожды. Может, дом снесли? Верила, что искала в нужном направлении, там, где когда-то была. Следующим решением было пройти с фотографиями и чертежами по улицам Саблина и расспрашивать людей о судьбе этого дома.

Но это оказалось ненужным! Еще раз написали на тот адрес с листочка. На этот раз уже Лиля (двоюродная сестра) в феврале этого года написала письмо и отправила его из Санкт-Петербурга.

В конце июля Лиля внезапно сообщила: от Игоря пришло письмо! Прислали адрес и приглашение в гости – хоть на несколько дней. Стало ясно, почему я не нашла этот дом раньше: фундамент подняли на 40 см, дом перекрасили, косяки выделали другим цветом, веранду расширили.

Запланированная поездка на поиски дома стала поездкой в гости. Уже с самого начала атмосфера встречи была сердечная. Речь журчала, еда постоянно менялась на столе, вспоминали прошлую встречу, рассказывали о своей жизни, пели песни.

И в довершение нас было 2 Галины – жена Игоря и я. С этим именем я маленьким ребенком бежала от войны.

Осмотривали дом снаружи и внутри. Старое, скособоченное строение было обновлено. Во дворе была Галинина великолепная теплица. Сам дом внутри был таким, как и был тогда: по замыслу отца печь находилась между двумя комнатами, обогревая одновременно обе комнаты; 75-летние старые напольные доски, слегка деформированные от времени. Думала, в какой же комнате ребенком я могла спать.

Веранда претерпела радикальные изменения. Здесь Игорь реализовал свои планы, как и на верхнем этаже в построенных летних комнатах. Он умело использовал в разных местах найденный подручный материал.

Почему Игорь не отвечал? Он и сам не знает. Но очень расстроилась, что не поняла раньше, как важно это было для меня. Договорились, что прошлое – в прошлом, теперь всё хорошо.

Наш визит несколько часов проходил в такой суматохе, что прислушаться к своим чувствам было невозможно. То посещение с мамой было особенно важным для меня. Чувствовала себя как по-настоящему существующей, а не вымышленным образом из военных рассказов. Теперь же я чувствовала себя счастливой. Моя мечта сбылась.

Я стала размышлять о деле в исторической перспективе: откуда наша родня пришла в Лийсиля? Как судьба относилась к моим предшественникам? Какой была бы моя жизнь, если бы я прожила её в Саблино?

Вспоминаю рассказ матери. Она жила в Лорвиллово. Однажды в поезде она встретила свою знакомую Хелку, которая была сестрой моего отца. Хелка, мой отец и их мама Лиза жили в новом доме в Саблино. Хелка сказала маме: «Иди к нам жить!» И мама пришла. Это привело к браку, родилась я. Была бы я на свете без дома в Саблино? Может, и нет. Может, поэтому это так важно для меня?

Алина-Синикка Салонен
Перевела на русский язык
Нина Петрухина

Алина-Синикка у калитки в доме детства. Дом кажется таким же, каким был раньше. Только цвет поменялся.

Время праздника. Слева хозяева Игорь и Галина, справа прежний житель дома Алина-Синикка

Алина-Синикка в доме детства, наконец-то!

Что празднуем?

Фестиваль финно-угорских народов

Замечательные события произошли в области поддержания и развития культуры коренных финно-угорских народов Восточной Европы и Зауралья.

2 й Всероссийский Фестиваль художественного творчества малочисленных финно-угорских и самодийских народов проводился 18 августа в Выборге и 19 августа в Петербурге, в Мраморном Зале Российского Этнографического Музея.

Более 20 участников прибыли с разных концов Евразии. Собрались ингерманландские финны, воедь, ижора, вепсы, сето, карелы, коми, ненцы из Нарьян-Мара, Ямала, Таймыра, удмурты, мари, мордва и так далее. Впервые принял участие в таком фестивале ансамбль юношей и девушек народа селькупы с далёкого Енисея.

В то время как большинство выступавших коллективов были из 5, 8 и 10 человек, то ливы, живущие на побережье Рижского залива в Латвии, прибыли в составе 30 человек и исполняли свои танцы масштабно, с большой экспрессией, чем отличались от других ансамблей, более тихих и спокойных.

Свой состав представил и народ саамы. Это древнейших из 3-х автохтонных народов континента, наряду с народом кеты в Сибири и народом айны на острове Хоккайдо в Японии (кстати, айны – коренное население также Курильских островов и Сахалина).

Саамы ныне проживают в Норвегии, Швеции, Финляндии, и на Кольском полуострове, а в далёком прошлом они обитали по

всему северу Восточной Европы, оставив следы в виде многочисленных названий рек, озёр и населённых пунктов. Следы былого присутствия саамов сохранились и в Ингрии, в самой восточной её части (Лопский погост, фин. Lopinkolkka).

День Кантеле

Краеведы Ингерманландии 15 августа отметили День Кантеле. Праздничное собрание состоялось в зале библиотеки национальных литератур на ул. Садовой д. 33. Скворецкий пастор Павел Крылов исполнил калевальские сказания и финские песни, аккомпанируя себе на кантеле. Наградой ему были благодарные аплодисменты от участников встречи. После своего выступления он презентовал свою книгу «Ингрия, ингерманландцы и Церковь Ингрии в прошлом и настоящем».

Автор этих строк организовал празднование Дня Кантеле и Дня Калевалы (28 февраля) впервые на территории Ленинградской области, в историко-этнографическом музее в Ялкала, и впоследствии проводил их ежегодно. Это было в 1990-е годы, когда я работал там старшим научным сотрудником и художником, и создал новую экспозицию музея о финно-угорских народах. Помогали мне в этом замечательные молодые мастера Володя Мараев и Николай Жуков, которые изучают и изготавливают этот народный инструмент. Володя Мараев защитил кандидатскую диссертацию о кантеле в Петербургском Государственном университете.

Владимир Зернов

День Инкери – Инкерин пайвя

Традиция празднования так наз. Дня Инкери возникла не так давно. Начало этой традиции положили ингерманландские финны, живущие в Швеции. Основателем этой традиции в нашей стране был Олег Романов. Впервые празднование состоялось в 1994 году в церкви Святой Марии. Таким образом, это было подано как церковный праздник. Олег Романов выступал в церкви и стал «крёстным отцом» Дня Инкери в России.

Собственно, день Инкери – это именины по церковному календарю Инкери (Ингигерды) в западной традиции, а также Ирины (св. Ирины новгородской) – по восточной традиции.

Многие национальные активисты в Инкерин Лиитто долго сопротивлялись введению этого праздника – в частности, Владимир Кокко, заявлявший, что день именин Ингегерды не имеет отношения к ингерманландско-финской традиции (в чём с ним трудно не согласиться). Однако стремление к празднованию взяло верх и замкнуло круглогодичный цикл праздников: зима – рождество, весна – масленица и пасха, лето – юханнус, осень – Инкерин пайвя.

(Вообще-то у ингерманландских финнов – земледельцев – был традиционный осенний праздник – Миккелин пайвя, буквально «Михайлов день», его называли также «чухонский покров», – но поскольку наши финны давно уже не занимаются земледелием, этот праздник не отмечают и не вспоминают – А. Крюков).

Таким образом, Инкерин Пайвя – это сугубо городской праздник, праздник городских активистов.

Надо отметить, что традиция празднования ингерманландского праздника в октябре имеет традицию. Октябрь – важнейший месяц в истории ингерманландских финнов:

15 октября 1988 года – день учредительного съезда Инкерин Лиитто в Тайцах;

10 октября 1920 года – день заключения Тартуского мирного договора, по которому ингерманландские финны были впервые признаны особой этнической общностью на международном уровне.

То есть, день ингерманландских финнов логичнее было бы отмечать 15 октября.

Однако празднование Дня Инкери – Инкерин Пайвя – 5 октября тоже символично – символизирует единение разобщённых между собой ингерманландских финнов в России и Швеции. В перечень детских национальных праздников Ленинградской области День Инкери – Инкерин Пайвя включён в 2007 году.

Официальное празднование дня Инкери состоялось 5 октября в Доме Национальностей. Это было детское представление (его организовала Ирина Остонен). На следующий день, 6 октября, в Российском Этнографическом Музее, в концерте прибалтийской музыки, выступал ансамбль Котиконту, и в тот же день в Стрельне устроили спортивные соревнования Вилье Остонен и Костя Ульяновкин.

Андрей Сыров

Мария Ивановна Кирьянен

24.01.1938 – 28.09.2012

28 сентября 2012 года на 75-м году жизни после тяжёлой болезни умерла Мария Ивановна Кирьянен, одна из активисток создания ингерманландского движения.

Родилась Мария Ивановна в Рязанской области 24 января 1938 года. По её рассказам, семья в 1945 году переехала жить в Кингисеппский район Ленинградской области. В то время ей было 7 лет. Отец Марии Ивановны, вероятно, что-то сказал лишнее на собрании в колхозе и ему сказали «Забирай семью и срочно уезжай отсюда, иначе головы не сносить». В то время была разнарядка по заселению пустых домов в Ленинградской области, в дома высланных финнов, ижор, води. Так семья Марии Ивановны оказалась в Кингисеппском районе. Впоследствии семья переехала в Гатчинский район в деревню Истинка, построив там дом.

Ещё до создания «Инкерин Лийтто» 30 июля 1988 года в деревне Тихвинка прошёл День памяти под названием Muistamme isiamme (в 1938 году 39 человек из деревень Тихвинка и Истинка были арестованы или раскулачены и исчезли бесследно). Затем все участники пили чай во дворе дома Марии Ивановны. В доме Марии и Альберта Кирьянен в сентябре 1988 года начались первые курсы финского языка. В течение

зимы 1988-89 годов в их доме собирались жители Таиц, окрестных деревень, а также Питера. Хорошо помню, что в Питер возвращались на поезде 23.08 из Таиц и успевали на метро. Так было 2 раза в неделю с сентября по май в течение всей зимы. Никто не жаловался, что нет времени или устал. После занятий Мария Ивановна накрывала на стол, мы пили чай и разезжались по домам. Мария Ивановна занималась вместе с нами с нуля и выучила язык в такой степени, что свободно принимала в своём доме финнов из Финляндии и объяснялась с ними на финском языке.

В её доме летом 1989 года прошло учредительное собрание Гатчинского Инкерин Лийтто, на котором Виктор Хюренен стал его первым председателем.

В те годы почти не было пишущих машинок, а Мария Ивановна работала в отделе кадров на предприятии между деревней Тихвинка и Тайцами. У неё была дома маленькая пишущая машинка и первые документы Гатчинского Инкерин Лийтто и возрождающегося Скворицкого прихода Мария Ивановна печатала у себя дома. Вот эту бы пишущую машинку, если она сохранилась, в музей Инкерин Лийтто или Скворицкого прихода.

Не шесть количества гостей из разных регионов, в том числе и из Финляндии, побывавших, парившихся в бане и ночевавших в доме Марии и Альберта Кирьянен. Она умудрялась на скромную пенсию всех накормить и напоить, причём продуктами со своего огорода.

Мария Ивановна была руководителем первого фольклорного коллектива Инкерин Лийтто, впоследствии получившего название «Инкере». В её доме проходили репетиции, спектакли, шитьё костюмов. Она создала и руководила фольклорными коллективами в Гатчине и Скворицком приходе, объединив их под единым названием «Tuomen kukka» («Цвет черёмухи»).

Этот коллектив пел в церквях духовную музыку, например, в Скворицком приходе и при поездках по Финляндии. Этот же коллектив пел и светские песни на финском и на русском языке. Я до сих пор вспоминаю поездку этого коллектива в Швецию в конце 1990-х годов. Хор пригласили ингерманландские финны, живущие в Швеции, на летний фольклорный фестиваль. Это был звёздный час коллектива. Своими песнями они покорили не только ингерманландских финнов, но и шведов. На обратном пути в автобусе по всей Швеции, Финляндии

и России они пели. Пели для души, не для славы.

Мария Ивановна была русской, православной по вере, но она окунулась в жизнь как православного прихода в Тайцах, так и лютеранского прихода в Скворицах. Ей было хорошо в обеих церквях и пасторы этих приходов были ей всегда рады и благодарны. Бог один и надо служить ему и людям всюду, независимо от вероисповедания.

Долгие годы Мария Ивановна была депутатом сельского совета и старостой деревень Тихвинка и Истинка. Она знала досконально каждую семью и с яростью бросалась спасать положение и отстаивать справедливость. Она не боялась спорить с руководством посёлка или даже района. За правоту стояла насмерть. Один факт из её биографии. В 1990 году рядом с деревней Тихвинка должно было создаться огромное садоводство. Жители деревни лишились бы всех пастбищ для скота. Была уже проложена новая дорога. И вот Мария Ивановна зимой собирает у себя дома деревенский сход, пригласив председателя Таицкого поселкового совета. Мы победили. Леноблсовет отменил принятые ранее решения. Машина была остановлена.

А. И. Кирьянен

Алина Отти

8.12.1962 – 11.10.2012

Алина оставила нас после нескольких лет тяжёлой болезни. Ей стало легче. Её земная жизнь уже позади. В это трудно поверить, но это так.

Алина оставила яркий след в памяти знавших её людей. У Алины было много друзей, она любила и ценила дружбу. Инженер по образованию, по своей природе она была педагогом. К счастью, педагогические умения и таланты Алины не остались без применения. Благодаря судьбоносной встрече с Владимиром Кокко, в 1990 году Алина стала преподавателем финского языка. Несколько лет Алина работала в школе № 200 на улице Рихарда Зорге, затем на своей исторической родине – в школе пос. Терволово, последние годы – в Политехническом институте. Все эти годы Алина увлечённо, с упоением, знакомила своих учеников – школьников и студентов – с основами и разговорной практикой финского языка, с азами

финской ментальности. У Алины было тонкое понимание этничности, которое она умела делать понятным для своих близких. Природная деликатность Алины приводила всех в восхищение. Её ученики становились её друзьями.

Алина любила Петербург, его музеи и театры, улицы и каналы. Она знала и понимала Петербург лучше, чем многие петербуржцы. Алина работала гидом на улицах Петербурга, донося до финских туристов понимание красоты нашего города. Алину знают в Финляндии как патриота русской культуры.

Для многих людей Алина была лицом финской Ингерманландии – лицом ярким, запоминающимся, достойным. Алина была патриотом Ингерманландии. Она раньше других оценила артистизм и исполнительское мастерство Ольги Остонен и записывала её тогда, когда другим это ещё не приходило в мысли. На рубеже 2000-х годов Алина создала серию

видеоинтервью с выдающимися представителями ингерманландских финнов. Она всех знала, и её знали, ей доверяли.

Алина была убедительна во всём, чем она занималась. Детский театр в Терволово, рождественские семинары в Тюрё, переводы, шитьё национальных костюмов, изготовление традиционных кукол из соломы – трудно даже перечислить всё, за что бралась Алина Отти – и всё у неё получалось естественным, неподдельным. Алина уважала знающих людей, она чувствовала настоящее знание, понимание сути вещей. Она не стеснялась задавать вопросы, стремилась к расширению своих знаний. В своём стремлении к пониманию Алина была искренней, это чувствовали все, кто имел с ней дело. Алина не терпела фальши, она тянулась к людям деятельным и цельным, и отстранялась от чуждых, не стоевших её дружбы.

Алине было трудно не только последние пять лет. Вся её жизнь была борьба с трудностями, преодоление и терпение. Алина всё время работала на двух и трёх работах. Ей было трудно, но она прошла все испытания. Жизнь Алины – пример достойного поведения в дружбе, в трудностях, в занятии любимым делом.

А. Крюков

MUISTEMIA PAPINKONNULTA

Elsa Petriläinen (s. 1909) oli kuulunut siihen sukupolveen, joka oli nähnyt Neuvosto-Venäjän synnyin ja vakiintumisen, kokenut sodan, pakkosiirtoja ja muuta kauhua. Hän oli kasvanut yhdessä neuvostovallan kanssa, elänyt sen ajan ja vanhentunut sen mukana. Hän oli saanut kotonaan hyvän perinnekasvatuksen, ja sitten, uuden tavan koulussa sen kasvatuksen. Sitä huolimatta, hän oli tavallinen suomalainen, toimelias ja tiedonjanoisin.

Elsa kasvoi aikuiseksi kotikylässään ja lähti siitä Karjalaan opettajaksi. Elämänsä ehtopuolella hän asui Tartossa, jossa aikaisemmin toimi yliopistossa. Inkerin liikkeen alku oli hänelle tavallaan oikeuden riemuvoitto. Hän tuli mukaan toimintaan, mikä hänelle tarkoitti suomen kielen opettamista. Siihen aikaan hän oli jo kuitenkin liian vanha.

Tutustuin Elsaan vuonna 1987, kun sain kirjeen häneltä – hän oli lukenut artikkelini Punalipussa. Me tapasimme ensi kerran vasta seuraavana vuonna, kun kävin ensi kerran Tartossa tutkimusmatkalla. Siitä lähtien tapasimme useita kertoja, vaikka pian asuimmekin jo eri maissa. Juteltiin silloin vanhasta, menneestä Inkeristä, ja myös Viron ja Venäjän kansojen kohtalosta. Sain Elsaalta vuonna 1994 käsikirjoituksen, joka on paraikaakin hallussani. Käsikirjoituksessa kerrottiin Papinkonnun ”vallasta” eli kunnasta, paljon Papinkonnun koulusta, ja sen entisistä oppilaista. Pitkiä vuosia Elsan käsikirjoitus oli käyttämättä, ja vasta tänä vuonna otin sen esiin.

Elsa Petriläisen käsikirjoitus on päivätty 22.04.86. Sen esipuheessa selviää, että hän oli aikonut lähettää kirjoituksensa Punalipulle, mutta en koskaan kuullut Elsan maininneen, että käsikirjoituksensa olisi julkaistu. Näet, tuohon aikaan se ei vielä ollut mahdollista, ja siksi kirjoitus jäi julkaisematta. Olen selvittänyt tämän kysymyksen entisten Punalipun toimittajien kanssa, ja tulimme tulokseen, että Elsa Petriläisen kirjoitusta jäänyt lehdeltä saamatta. Nyt on tullut aika julkaista se.

A. Krjukov

Papinkontu

Papinkontu on paikkakunta, joka sijaitsee korkean mäen päällä noin viiden kilometrin päässä Suomenlahden etelärannikolla olevasta Pietarhovista (entinen Kuusioja) sisämaahan päin.

Pietarhovi on kuuluisa ensimmäisistä suihkulähteistä Venäjällä. Niiden vertaisia löytyy maailmassa vähän. Suihkulähteiden rakentamista aloitettiin Pietari I aikana. Hänen rakentamansa pieni puisto vähäsi- ne suihkuineen ja yksikerroksinen palatsi (Monplaisir – minun koti) ovat säilyneet Pietarhovin suuren Ala-puiston oikeassa nurkassa aivan meren rannalla.

Kiirejuoksuinen Joutsenjoki, joka tuo veden suihkulähteille, kiertää Papinkonnun mäen oikealta joen suuntaan katsottuna. Joki saa alkunsa Kuippinan lähteistä 22 km päästä Pietarhovista. Suihkulähteiden rakennushistoria ja sen fyysikanlain mukainen tekniikka on niin mielenkiintoinen, että olisin sen tässä kuvaillut, ellei se olisi mennyt liian pitkänlaisiksi (Anna-Maria-siskoni olisi pitänyt sitä liiaksi) ja vähän teemasta kaukenevaksi.

Matkustaessa Leningradista Pietarhoviin junalla jo kaukaa näkee vasemmalla Papinkonnun mäen kirkkoineen ja Belvedereineen. Papinkonnun nimitykseen löytyy kaksi selitystä kronikoista.

Siitä on kirjoitettu myös Pietarhovin ja sen ympäristön vuoden 1909 historiallisessa matkaoppaassa, joka on pyhitetty Pietarhovin 200-vuotisjuhlan kunniaksi. Kirjassa kerrotaan perinpohjaisesti Pietarhovin ja sen ympäristön rakentamisesta 200 vuoden ajalta.

Tässä muutama katkelma mainitusta oppaasta.

Sivu 204: ”Pietarhovista etelään päin seutu vähitellen kohoaa ja

Papinkontu. Kuva 1800-luvulta

muuttuu viimein kukkulaksi. Se on muinaisneuvostovallan ajoilta Papinmäki, suomalainen Papingondo”. Kirjaimellisesti on venäjän kirjassa painettu näin latinankirjaimin. On ymmärrettävää, että venäläinen kronikoitsija kuuli suomalaisen ääntäessä sanaa kontu *k* ja *t* -äänteet pehmeinä niinkuin venäläiset *z* ja *ð*. Vanhat asukkaat kertovat, että tämän mäen päällä on joskus jo satoja vuosia sitten ollut kirkko. Papinkonnun nimestä tulee että siellä on ollut pappila.

Uusi kirkko Papinkonnun keskukseen rakennettiin vv. 1851–1854.

Sivu 210: ”Tarina kertoo, että kun keisarillinen saattue Nikolai I aikana saapui paikkakunnalle ja kun paikallisilta talonpojilta kuultiin, että paikkakuntaa joskus nimitettiin Papingondo, joka merkitsee pastorin seurakuntaa, löydettiin, että nimitys vaatii, että siinä olisi tempelli ja kaikuisi pastorin sana. V.1851 alettiin rakentaa kirkkoa ja se vihittiin v.1854 keisarin läsnä ollessa”.

Komea vaaleasta kivistä uusi oikeauskoinen kirkko rakennettiin Papinkonnun keskukseen mäen rinteelle, josta tulija näkee sen kimalte-

lua kaukaa joka puolelta. Luterilaista kirkkoa ei rakennettu, koska luterilaiset kirkot niin Inkerissä kuin Eestissä rakennettiin pääasiassa seurakunnan sanoilla.

Toinen mielipide, arvattavasti myöhempi, Papinkonnun nimityksestä on sellainen, että se on käännetty venäläisestä sanasta Бабий гонь, mikä tarkoittaa akkojen ajoa (баб гонять – бабий гонь). Akkoja ajettiin tältäkin seudulta Pietarin kaupungin ja sen ympäristön rakennuksille, ja tässä kylien keskuksessa mäen päällä oli kokoontumispaikka. Tähän tapaan kirjoittivat Papinkonnun koulun johtaja Suurre Tukiainen ja hänen apulaisensa Juuso Bulanov v.1921 koulun avajaisjuhlaa varten pyhitetyssä laulussa: ”Papinkontu kuuluisa on akkojen ajosta, sen jutun joku mummo kertoopi halusta. Papinkontu se oli kontuna, johon Suomesta pastoriparka oli joutunna”.

Kaikkein korkeimmalla Papinkonnun kukkulalla seisoo monumentaalinen paviljona Belveder (ital. belvedere, kaunis näköala). Se rakennettiin vv. 1853-57 arkkitehti Stakenschneiderin luonnoksen mu-

kaan. Tämä komea kaksikerroksinen klassillisessa tyyliässä palatsi on kaunis ulkoa ja sisältä. Etuseinän parvekettä kannattavat ihanat harmasta granitista. Kuvanveistäjä Terebenevin kuvapatsaat. Palatsin toinen kerros on ympäröity 28 ionisilla pilarilla myös harmaasta graniitista. Tältä terassilta aukeaa kaunis näköala kauas avaruuteen. Edessä on järvet, tiet eri suuntiin, vihreät puut, niiden yli näkee Pietarhovin rakennusten huiput, oikealta Tuutarin mäet ja koko mäkinen seutu pienina kylineen. Katselut kuin mantieteen karttaa. Belveder merkitseekin kaunista näköalaa.

Ennen sotaa tämän Belvederin puistossa laajalla kentällä kokoonnuttiin viettämään paikkakunnan valankumous- ja kesäjuhlia. Paviljonki on sodan rauniosta jälleenrakennettu ja nykyään siinä on työläisten lepokoti.

Belvederin ja kirkon vastassa sijaitsevat Konnun ja Kostinon kylät kulkevat yhdessä rivissä vähän puolikaareissa katsoen näiden rakennusten suuntaan.

Vähän myöhemmin rakennettiin puolen kilometrin päähän kirkosta sen vastapäähän Kostinon kylän keskelle suuri punaisesta tiilikivistä kaksikerroksinen pappilan huone. Sen rinnalla myös suuri kivitalo venäläistä 6-luokkaista koulua varten. Tässä koulussa opiskeli lapsia myös suomalaisista kylistä, eniten poikalapsia. Isäni oli aikoinaan käynyt tämän koulun.

Nämä kaksi suurta rakennusta apuhuoneistoinen luovutettiinkin v.1921 vastaperustetun Papinkonnun II asteen koulun käyttöön.

Pappila jäi entiseen pienempään puurakennukseen kirkon läheisyydessä. Venäläiset V ja VI luokka yhdistettiin Pietarhovin keskikoulun kanssa.

Papinkonnun II asteen koulu

Jo neuvostovallan alkuvuosina Papinkonnun paikkakunnan talonpojat arvelivat, että olisi tarpeen perustaa myös suomalainen keskikoulu paikkakunnalle. Venäläinen 6-luokkainen koulu oli jo kymmeniä vuosia olemassa ja 5 km päässä. Keskikoulu ja kymnaasi (lukio) Pietarhovissa toimivat ammoisista ajoista. Mutta eivät sinne päässeet useatkaan talonpoikien lapset ja senkin takia, etteivät he täydellisesti vallanneet venäjänkieltä, eikä kaupunkikoulujen yhteydessä ollut yhteisasuntoa kaukaisempien kylien lapsia varten. Siisikin yli 100 vuotta sitten kansakoulut suurimmassa kylässä toimivat, niinkuin Rospeekan, Teppolan, Simankonnun, Ylikylän koulut. Mutta jatkokoulu puuttui.

Kyläkokouksissa talonpojat neuvottelivat ja lähettivät edustajansa piiriin valistusosastoon. Sen päätös oli myönteinen. Valistusosasto päätti perustaa suomalaisen keskikoulun Papinkonnun piirin kylien keskuksen. Venäläinen 6-luokkainen koulu yhdistettiin viiden kilometrin päässä sijaitsevan Pietarhovin keskikoulun kanssa ja sen huoneisto jätettiin uutta suomalaista keskikoulua varten. Koulurakennuksessa oli vain kaksi luokkahuonetta, kanslia ja kahden opettajaperheen asunnot. Nyt tarvittiin vähintään viisi luokkahuonetta keskikoulun huoneita varten. Valittiin rakennuskomitea, johon kuuluivat A. Petriläinen ja M. Lukka Teppolasta ja A. Muru Rapalasta. He tekivät kaikki voitavansa: hankkivat rakennustarpeita, rahaa, järjestivät talkoita. Luokkahuoneiksi muutettiin suuremmat entiset asuinhuoneet, toisia korjailtiin. Myös koulun takana sijaitsevilla apuhuoneistoissa tehtiin paljon korjauksia. Navettaan lyötiin akkunat ja siitä sai käsityöverstas.

Entisestä koulutalon rinnalla olevasta pappilan talosta tuli opettajien asunnot ja oppilaiden yhteisasunto. Lisää yhteisasuntoja saatiin lähikylien talonpojilta. Näissä perheissä huolitettiin oppilaista kuin omista lapsista. Heistä tuli kuin sukulaisia.

Syksyllä v.1921 koulu aloitti toimintansa. Oppilaita kokoontui niin paljon, ettei ollut mahdollista kaikkia vastaan ottaa. Nuoremmat jätettiin vuodeksi entisiin kouluhinsaan. Mutta yläikäiset jäivätkin pahoilla mielin koulun ulkopuolelle. Samanlainen tilanne oli ollut silloin, kuin avattiin Kolppanan II asteen koulu. Opintuoli oli suuri. Mutta suuri osa pyrkijöistä tuli takaisin tilojen puutteen takia.

Papinkonnun II asteen koulun

Belveder nykyisin

johtajaksi kutsuttiin Ojan kylän koulun opettaja **Suurre Tukiainen**. Hän oli saanut sivistyksen Helsingissä. Elatusta hän oli hankki perheelle tilapäisellä työllä. Vallankumouksen edellisenä kautena hän joutui työhön Suomen-Pietarin rautatielle. Siellä hän tutustui vallankumouksellisiin, liittyi puolueeseen. Tuli perheineen Pietariin. Vallankumouksen jälkeen lähti sotakouluun, mutta perheelliseltä se jäi kesken. Sivistyneen miehenä hänet lähetettiin opettajaksi Oranienbaumin piiriin Ojan kylän koululle, josta hänet nyt määrättiin papinkonnun II asteen koulun johtajaksi. Hän oli silloin 33 vuoden ikäinen, asiallinen, toimelias, reipasluontoinen.

Apulaisjohtajana ja puoluejärjestön sihterinä toimi **Juuso Bulanov**. Samalla hän opetti biologiaa. Oli päättänyt opettajaseminaarin. Kotoisin Tyrönkylästä. Myöhemmin Bulanov työskenteli Kuivaisten piiriin Toimeenpanevan komitean puheenjohtajana.

Matematiikan ja geometrian opettajaksi kutsuttiin Simankonnun koulun oettaja **Aatu Raikkerus**, kotoisin Rospeekasta. Hän oli päättänyt Kolppanan opettajaseminaarin. Muutaman vuoden kuluttua hän jatkoi opintoja Leningradin yliopistossa, sitten aspirantuurissa, jonka jälkeen toimi Petroskoin yliopiston matematiikan professorina.

Fysikkaa Papinkonnun II asteen koulussa opetti insinööri **Teemu Kallio**. Hän jo silloin suunnitteli sähköaseman rakentamista paikkakunnalle. Vanhemman luokan oppilaat kävivät hänen kanssaan Joutsenjoen virran voimaa tutkimassa. Hän oli asiallinen, mutta leppeämielinen. Hän rakensi puhelinyhteyden koululle ja meillekin. Hänen vaimonsa ja tyttö elävät Präsäsässä.

Saksan kieltä opettivat jo iäkimmämmät Kolppanan seminaarin päästökkaat **Maria Kupri** ja **Adam Teider**. Viimeinen oli tätä ennen Tep-

polan alkeiskoulun opettaja, kotoisin naapurikylästä Luisinasta. Hän toimi opettajana 40 vuotta ja ansaitsi suurta kunnioitusta paikkakunnan väestön keskuudessa.

A Teider oli minun ensimmäinen opettajani. Hänen opetus- ja kasvatustietämyksensä kelpaisivat esimerkiksi nykyäänkin. Hän ei karjunut (ei kohottanut ääntään), ei muistuttanut huonoa toistamiseen, eikä kaikkien kuulten, enemminkin kiitti jostain ja löysi kaikissa oppilaisissa hyviäkin puolia. Huomautuksetkin olivat taktillisia, ei mitenkään solvaavia. Kuitsui minut kerran minut pöytänsä luo, näytti vihkoni ensimmäistä ja viimeistä sivua ja kysyi, kummalla sivulla on paremmin kirjoitettu. Minä varisten osoitin sormellani ensimmäiselle sivulle. Opettaja sanoi rauhallisesti: ”Kirjoitit koko vihon täynnä, ja käsiala tuli huonommaksi, kun pitäisi olla paljon parempi”. Yhtenä keväältäveni tuli meidän kuokkaan uusi oppilas, kasvultaan toisista suurempi poika – Valentin. Naapurikoulun naisopettaja ei tullut hänen kanssaan toimeen. Meillä hän näytti hiljaiselta ja opiskeli ahkerasti.

Venäjänkieltä ja piirustusta opetti pietarilainen taitelija **Orest Bromberg**. Hän innostui joskus puoleksi tunniksi deklameeriman Puskinin Jevgeni Oeginia huomaamatta meidän läsnäoloamme ennenkuin joku häiritäsi jotenkuten. Tässä kohtaa voivat koulutoverini minulle nauraa, muistaen erään seikan, mutta siitä artikkelin jatkoluovussa. Taitelijana hän huomasi heti paremman piirustajan, istui hänen pinnalleen pulpettiin ja autteli, ohjasi heitä. (Minä en kullunut piirustajiin, selitteli vanhempi siskoni kyllä).

Käsityötä tytöille opetti taitelijan vaimo. Tikkasimme, ompelimme, neuoimme. Käsityö miellytti kaikkia. Pojille opetettiin puutyötä. Kylä he osasivat valmistaa tapurettoja, pöytiä, kelkkoja, suksiakin.

Vanhemman luokan, jossa opiskelivat Eva Hämäläinen, Maria ja Mikko Petriläiset, Al. Lähtinen, Maria ja Simo Kotsalaiset, H. Lukka, P. Skyttä, H. Huli, O. Ärttö, H. Nironen, J. Ristolainen, P. Malinen, Boris Tähti ja toiset, kuraattorina olikin koulun johtaja S. Tukiainen. Hän opetti suomenkieltä ja historiaa. Hänen historian tuntiensa loppu muuttui usein keskusteluksi päivän tapahtumista ja muista elämänkysymyksistä. Hän pätevänä kasvattajana vaistomaisesti tuns jokaisen oppilaan sieluelämän. Hän tutustui melkein kaikkiin oppilaiden vanhempiin ja vanhemmat itse tulivat hänen luokseen noin vaan keskustelemaan. Istuivat sitten johtajan kahvipöydän ympärillä ja puhelivat kuin vanhat tuttavat ainakin. Johtajan vilkas vaimo Vilhelmiina (Mimmi) hän oli kaikille) tarjoili vaatimatonta keystytystä ja läsnäolijalla oli reipas, ja hilpeä mieliala. Satuina näitä tilaisuuksiä uteliaisuudessa seuraamaan, kun väliin kävin johtajan lapsien kanssa leikkimässä. Eikä Tukiainen pariskunta käieläytyntynyt kun heitä kutsuivat käymään luokseen oppilaiden vanhemmat. Tukiainen oli kansanmies. Hän puhui kokouksissa ja iltamissa. Kehoitti lähikylien nuorisoa ja oppilaiden vanhempia ottamaan osaa yhteiskunnallisesta toiminnasta. Ja koulu tulikin sivistystyön keskuksiksi paikkakunnalla.

Vuosi vuodelta koulu laajeni, oppilaiden lukumäärä lisääntyi, tuli yhä uusia opettajia. Koulun tuli oppilaita toisistakin piireistä, aivan Tuutarista, Venjoelta ja Valkeasaa-resta asti.

Nuorisoliittojärjestön toiminta koululla oli vilkasta. Jo parin vuoden kuluessa kaikki vanhemman luokan oppilaat liittyivät nuorisoliittoon ja vv. 1924–1925 iältään vanhemmat heistä pysäivät puolueeseen: E. Hämäläinen, M. Petriläinen. B. Tähti, J. Ristolainen.

Koulun toisena toimintavuotena alkoi vilkastuakerhotoiminta. Silloin tuli koululle neljä uutta nuorta opettajaa: **Anni Illi**, **Maikki Soittonen**, **Maikki Rytkönen** ja **Einari Niskanen**. Kolme ensimmäistä tulivat Hatsinan pedagogisesta teknikumista, E. Nironen sotakoulusta. A. Illi ja M. Rytkönen opettivat voimistelua ja ohjasivat voimistelun, kansantanssi- ja leikkikerhoja. M. Soittonen opetti alkeisluokkia ja ohjasi näytelmäkerhoa. Kun nyt muistelen hänen osasuorituksiaan, niin kuvia niistä vilkkuu silmien edessä (väkisin naurattaa), koska hän osasi niin toisena esittää koomillisiakin osia. Vanhemmat ihmiset tulivat mielellään katsomaan näitä esityksiä.

Papinkonnon koululaiset v.1924. Takana koulutalon alakkerros. Kuva Oleg Petriläisen kokoelmasta.

A. Illi ja A. Raikkerus esittivät vakavia rooleja aina näytöskappaleissa. Esitettiin suurempiakin näytöskappaleita, kuten Kaivostyömies, Köyhää kansaa, Murtovarkaus, M. Kurikan Viimeinen ponnistus j.n.e.

Urheilu alkoi myös yhä enemmän kiinnostaa oppilaita ja kylien nuorisoa. Talvella luistettiin ja hiihrettiin, järjestettiin hiihtokilpailuja. Paikkakunnalla oli ennenkin harrastettu mäenlaskua kelkoilla ja kilikoilla ja eniten hiihtoa suksilla. Sotaveteraani Nikolai Petriläinen muistelee, kun hän joutui armeijaan ja siellä järjestettiin hiihtokilpailut, pääsi hän kymmen ensimmäiseen joukkoon, niin sai tiedustelujoukkueeseen, joutui tekemään useampia retkiä vihollisen selustaan.

Tähän asti kesäisin nuoriso pelasi linnapelia ja lapset leikkivät palloa. Nykyään alkoi monipuolinen urheilutoiminta. Siihen suuresti vaikutti Leningradin Kansanvälisen sotakoulun poikien vierailu koulussa. He olivat opettajien Tukiaisen ja Niskasen entisiä koulutovereita ja tuttavuuksia. Kaikki hyviä urheilijoita. Näin ollen yhä enemmän innostuivat urheilumaan oppilaat ja lähikylien nuoriso. Kun pojat aamulla varhain valkoisissa urheiluhousuissa kylän katuja juoksivat, voivottelivat emännät, jotka juuri siihen aikaan ajoivat lehmiä karjaan, että mitä kummituksia nyt on ilmestynyt. Kerran järjestettiin urheilukilpailuja koululla, paikkakunnan keskuksessa ja Pietarhovin piiriin keskuudessa. Harrastettiin useita urheilulajia: juoksua, viesti-juoksua, pituus- ja korkeushyppyä, kiekon ja kuulanheittoa. Uimakilpailuja järjestettiin Pietarhovin alapuiston merisatamassa. Kilpailut

myötyivät aina suuren väkijoukon suosion osaituksin. Tämä kaikki veti puoleensa lähikylien nuorisoa; useat heistä liittyivät nuorisoliittoon (Antti Petriläinen, Aatu Ristolainen, M. Äkirkikas, M. Pärttyläinen), muutamat puolueeseen, kuten Juho Ristolainen, joka päätettyään puolueyliopiston työskenteli Karjalassa valistustyönalalla. **Antti Juosepinp. Petriläinen** päätti opinnot poliittisen valistustyön alalla ja työskenteli Leningradin alueella, **Pekka Talisoinen** työskenteli Oranienbaumin piirin puolueelimisissä, **Nik. Mihhailov** työskenteli Oranienbaumin piirin toimeenpanevan komitean puheenjohtajana, Maria Pärttyläinen opisteli työläisfakultetissa ja työskenteli puolueyöntekijänä Kuivaisten piirissä.

Koululla ei ollut juhlasalia ja se rakennettiin omin voimin. Noin kahden km päässä oli hylätty puinen tanssitalo. Se luovutettiin koululle. Talkoilla talo purettiin ja vedettiin koulun luo. Koulutalo oli yksinkertainen kivitalo. Nyt rakennettiin tuosta puutalosta toinen kerros, josta tuli suuri juhlasali ja vielä kaksi luokkahuonetta. Kaikki rakennustyöt tehtiin talkoilla. Niistä ottivat osaa kaikki; opettajat, oppilaat, lähikylien nuoret, oppilaiden vanhemmat. Uudessa suuressa juhlasalissa pidettiin melkein joka sunnuntai iltamia opettajien ja paikkakunnan nuorison voimin.

Ensimmäisenä ohjelmanumerona oli puhe. Sen piti useimmiten S. Tukiaisen, mainio puhuja. Niitä mielenkiintoisia puheita voisi kuunnella tuntikaupalla. Muistan, kun hän puhui eräänä joulun aikana piteissä iltamissa. Salissa oli noin pari sataa ihmistä, myös partasuu-ukkoja.

Puheen alku oli historiaa, sitten vakkononhistoriaa, edelleen oitteita katkelmia raamatusta, joista hän kumosi tieteen perusteella. Yleisö kuunteli jännittyneenä, väliin kajahti yhteistä naurua, taas tuli hiljaisuus ja puhe katkui. Puheen jälkeen esitettiin voimistelua ja kansantanssia, sitten seurasi runonlausuntaa ja laulua, viimeisenä numerona tuotiin esille näytelmä. Lopuksi tanssia ja piri-leikkiä. Paikkakunnalla oli useampi torvosoitokunta ja ne kävivät voittamassa vuoronperään. Konnun soitokuntaa johti **Abram Sults**, Soikkinan **Nikolai Ritari**, väliin soitti myös latikan soitokunta, jota johti **Nikolai Kolkkonen**. Eikä soitajille mitään maksettu, he pitivät sitä yhteiskunnallisessa velvollisuutenaan.

Olin syksyllä astunut V luokkaan, kun talvella kuolulla perustettiin pioneerijärjestö. Me tulevat pioneerit seisomme rivissä ja kuuntelimme, kun edessä nuorisoliittolaiset ja puolueen jäsenet puhuivat leniniläisestä lasten pioneerijärjestöstä, sen ohjelmasta, säännöistä ja tehtävistä. Ensimmäiseksi pioneerijärjestön ohjaaksi nuorisoliitto ja puoluejärjestö valitsivat vanhemman luokan oppilaan Aleksanteri Lähtisen. Alussa pidettiin pieniä kokouksia, marssittiin, leikittiin ja laulettiin. Vähitellen toiminta vilkastui ja muuttui monipuolisemmaksi. Eritään jäivät mieleen kesäiset matkat toisten pioneerien luo Pietarhoviin ja Oranienbaumiin. Siellä meitä otettiin vastaan ruemuhuudoin, yhdessä laulettiin ja leikittiin, urheiltiin ja sitten meitä kestitettiin.

Kun Lähtinen päätti koulun ja lähti opettajaksi Karjalaan, valittiin pioneerien ohjaaksi Juho Saarelainen

ja Antti Petriläinen. Ja kun he lähti vuoden kuluttua Karjalaan, valittiin minut pioneerijärjestön ohjaaksi. Pioneerien lukumäärä kasvoi kiiresti, järjestön kuului jo yli sadan pioneerin. Opettajat kaiketti avustivat pioneerien toimintaa, joka oli oikein hauskaa mielestämme. Kerrankin, kesäiseen aikaan antoivat vanhempaamme meille pari hevosta ja me matkustimme kaupunkijärjestön kesäleirille noin 30 km päähän viirilemaan. Hevosia ajoivat Nikolai Ristolainen ja Nikolai Haili. Kyllä tätä matkaa muistavat kaikki sen osanottajat. Kävimme jalkamaitkoillakin.

A. Illi opetti laululeikkejä ja laati voimisteluohjelmia, joita me sitten itsenäisesti harjoittelimme. Op. Kallion avulla valmistimme puheita kokouksiin ja juhliin. Hauskaa oli tämä kasvatustyö.

Arkaluontoinen asia siihen aikaan oli rippikoulukysymys. Kun vanhemmat pakottivat, äidit itkivät, täytyi muutamien suostuakin menemään rippikouluun. Jotkut jättivät koulunkäynnin kesken, kun eivät voineet pahoittaa vanhempien mieltä. Johtaja ja oppilaat eivät tähän asiaan terävästi kajooneet. Kysymys tulikin eteen vain allkuvuolina. Myöhemmin ei enää käytykään rippikoulussa eikä kirkossa. Ja suurin osa koulun oppilaista olevatkin nuorisoliittolaisia ja pioneereja.

Koska alkeiskoulun opettajista oli vielä suuri pula, annettiin Kolppanan ja Papinkonnan keskikouluille pedagogon suunta. Metodiikkaa eri aineena ei ollut, mutta päästöluokan oppilaat praktillisesti harjoittelivat (antoivat tunteja), opettivat alkeisluokissa, näiden luokkien opettajien ohjauksella. Kotikylissään he järjestivät nuorison toimintaa, pitivät kokouksia, ohjasivat voimistelu- ja urheilukerhoja, järjestivät iltamia koulun salissa ja lähikylien klubeissa. Joka kevät järjestettiin ekskursseja Pietarhoviin, Oranienbaumiin, Leningradiin museoihin ja teattereihin.

Keväällä v.1925 päättivät Papinkonnan II asteen koulun ensimmäiset 14 oppilasta (koulua alkaessa heitä oli 30). Heistä 9 nuorisoliitto lähetti Karjalaan. Kesällä opiskelivat suunnattiin lhytaikaisilla opettajakursseilla Leningradissa ja petroskoissa. Karjalassa heitä tervehtivät Karjalan Valistusministeri Juho Vihko ja Toimeenpanevan komitean puheenjohtaja Eduard Gylling (jota rahvaan keskuudessa nimitettiin presidentiksi).

Jatkuu seuraavassa numerossa.

TARINOITA

Vieras ja koira

Vieras mies nakköö mielenkiintoisen koiran.
– Mitä rotua on teijen koira, – kysyi vieras.
– Tää koira on meijen rotua, – vastasi isäntä.
Kertonut Alina Otti

Miten koira voi olla suomalainen

Suomalaist vieraat tulloot tilalle; narukoira haukkuu heit kovast. Sit vast tulloo isäntä.

– Onko koira suomalaine, – kyssyit vieraat.
– Juu, koira on suomalaine, – vastasi isäntä.

En oikein ymmärryt sitä: mikä ihme, koira on suomalainen.

Sit, ku sattui sopiva hetki, kysyin hiljaa isäntää – Miksi sinun koira on suomalainen?

Isäntä selitti, jot koira ymmärtää ihmissanoi, mutta ei paljon; kahta kieltä ei koira ainakaa ymmärrä. Koira vua sitä kieltä ymmärtää, mitä isäntä sille huastoo. Nii ku koira kuuloo vierasta kieltä, nii se vihajaa, ja ku se kuuloo tuttua kieltä, nii se ymmärtää ja rauhoituu.

Näin miekii sain tietää, jot koirakii voi olla suomalainen.

Asia oli Karjalassa 1990-luvulla. Olin mukana ja omin korvin sen kuulin. – A. Kr.

Suomes ei haukuta

Suomes, erään emännän luo kyläili hänen seukko Moskovast. Illal huonees kokosi porukka: kyläilevä seukko ja hänen pikku poikansa, emäntä ja hänen aikuinen poikansa, ja tämän kertoja.

– Mikä ihme, Suomes koirat eivät haukku, – huomasi moskovalaine seukko.

– Totta, – totistiit kaikki. – Alotettiin pohtii, miten on näin.

– Täs on koirat kaik viisaat, – arveli seukon poika.

– Suomen koirat oot kaik hyvin kasvatettu, arveli emännän poika.

– Täs on koiril kuri kuonot, selvitti emäntä, – se ei anna koiral haukkuu.

Ku se haukkuu, nii on kurkul kipijä. Nii koirat oppiit, jotteivät haukku.

– Näin on ulkona, – astuin riitaa, – mut miksi koton ei kuulu koiiriin haukuntaa? Meil Pietaris koton kuuloo usjast, ku koira vatteras haukkuu. – Joko Suomes koirat oot kotonkii kuonos?

Lopuks päätettiin jot Suomen koirat oot hyvin kasvatetut.

Tämä on todellinen keskustelu, joka piti paikkaansa ei kauan aikaa sitten – A. Kr.

Hiirkoira

Markkova ol' syrjäine seurakunta. Eivät markkovoist käyneet paljon oman vallan ulkopuolel. Eikä markkovoisten elost tiijetty paljon muuvval Inkeris.

Kerrotaa, ennevvanhaa Markkoval ei olt kissoi. Markkovoist ei tietäneet kissoist mittää.

Kerran Markkovan mies kävi Mujal. Siel hiä huomias' ku pikku karvaine peto kulki pelkäämättä tuppaahen. Mies luul' sen olevan koira. Hiä kysyi, mitä vart koira lasetaa tuppaahen. Talon omat vastasiit, jot se on kissa, ja jot se on pyytämäs hiirilöi. Markkoval hyvin tunnetii hiirilöi. Mies päätti kissan olevan hyötylline koton. Takamatkas hiä unehutti peton nimen, ja kotona kertoi koirast, mikä pyytää hiirilöi. Kyl markkovoist tahtoi hiirilöin pyytäjää kotiheen. Sit Markkoval ol' paljon huastloi, ja ain mainittii hiirkoira.

Koht markkovoist kävviit Mujal kysymäs, jot eiks uo hiirkoiraa myytäväs.

Mujalaist ihmteellit ja nauroit, mut antoiit markkovoisil kissan penttuloi. Nii markkovoist saivat kissoi. Siint ajant muuvval Inkeris kerrotaa, kui tuhat markkovoist hankkiit hiirkoiran.

Tämän tarinan kuulin 1990-luvulla, m. m. Viktor Savolaiselta. Silloin minulta usein kysyttiin, tiedätkö mikä on hiirkoira, tosin he itse tiesivät sen. En nähnyt tätä tarinaa julkaistuna. En saanut kirjoittaa sitä "markkovan kielessä", siis kerron omalla murteella. – A. Kr.

Oussimäen ja Suijan kissat

Täst asjast kertoi Fugoin FrolkanVeroi, Soikkulan Mäkkyläs.

Se asja oli syksyl vuon 43. Saksat ajoit Oussimäen ja Suijan ihmist Koskisin asemalle, pantii ne junal ja veivät pois. Kylät jäivät tyhjiks. Jo ennen sitä kyläläiset antoiit hein karjaa saksal. Koirat vapautettii ja lasettii; ne juoksiit minne vaa. Kissat jäivät. Mäkkylän omat olliit viel koton, ku Oussimäen ja Suijan kylät palloit. Siin päiväs näis kylis kävviit saksat, ne veivät kaik hyvää, mitä vaa löysiit. Koit olliit puust, katot olkist, rävyt tihjät, ja koht kummatkii kylät palloit. Ja saman iltan Mäkkylän omat näkkiit ihmettä: kylätietä myötä tultii Oussimäen ja Suijan kissat. Ne tultii joukkona, hiljaa, niku karja, niku ommiin peräs. Niinkauvan ku mie elän, ain mielee tulloo se kuva, ku palanein kyliin kissat marssiit mein kylän läpi, niku ihmisjoukko. Joko ne tiesiit, kunne ol mentävä?

Olen kuullut tämän tarinan käyvässäni Mäkkyläs syksyllä 1998. En silloin kirjoittanut, mutta tarina jäi muistiin. Nyt vasta panin sen paperille. Tämä ei ole Soikkulan murretta, kerron vaan niin kuin jaksan – A. Kr.

Kissa ja Matikko

Matikko tulloo kottii isän kans. Alakerroksen ikkunast näkyy ruskea kissa. Se katsoo Matikkuu. – Miauu, sanoo Matikko. Kissa kuuntelee. Kaik kolmet: isä, kissa ja Matikko, seisoo ja kuuntelee. – Miauu, miauu, – jatkaa Matikko. Kissa katsoo vaitten, kallistuen päätä. – Mänää nyt, sanoi isä; hiä avas' painavan oven, ja hyö männiit sissää. – Isä, – kyssyy Matikko, – mitäs luulet, tosiko kissa ymmärsi mitä mie sanoit? – Et sie itsesi tiejä, mitä sie sanoit, – isä vastatajaa. Matikko mieltii hetken ja kyssyy: – Mitäs mie siis oikijast sanoit?

Tämä on ei kauan aikaa sitten tapahtunut sattuma – A. Kr.

Kirjoittanut A. Krjukov.

